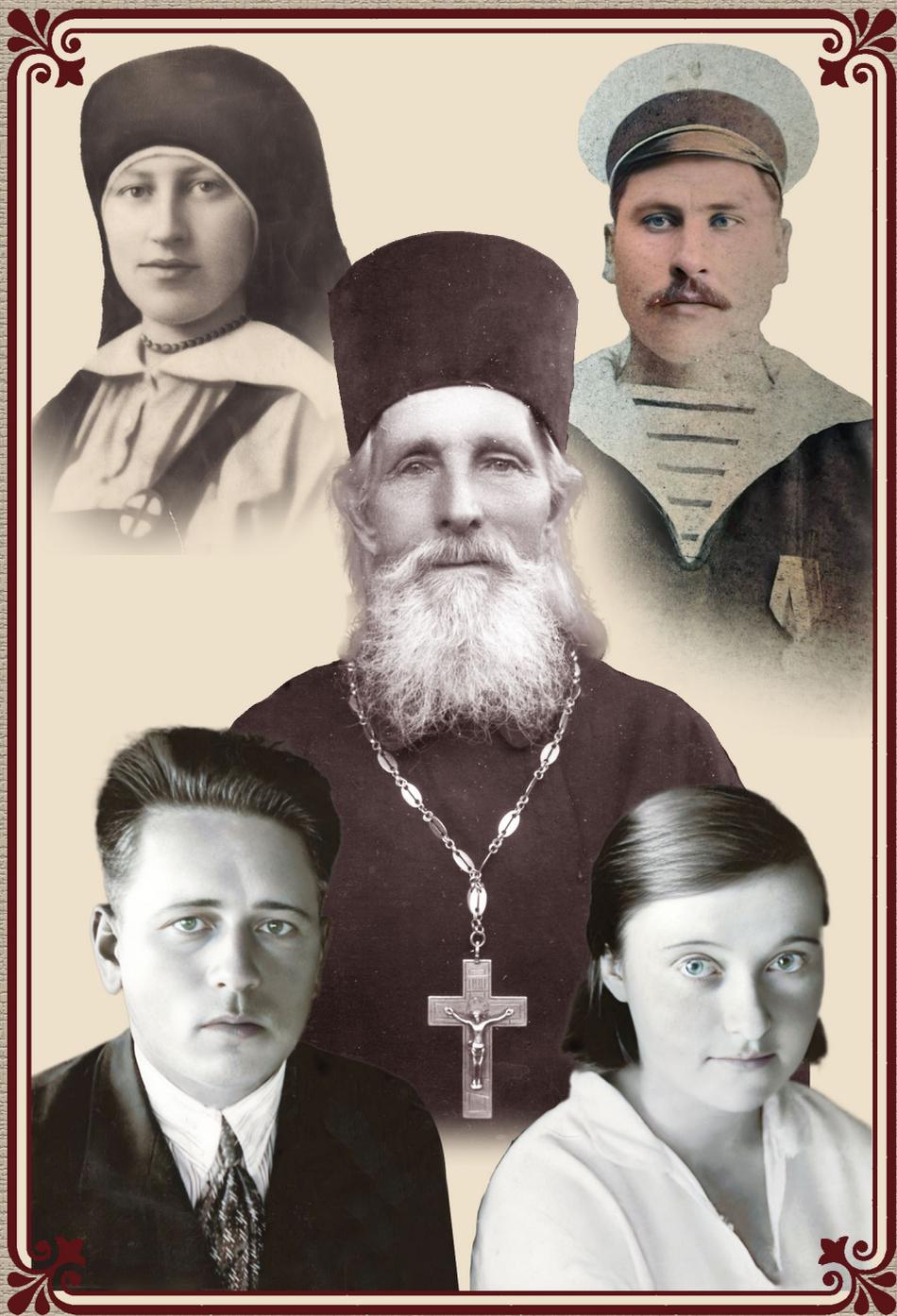

Надежда Тюленева

САМАЯ СИЛЬНАЯ
МОЛИТВА

ЛИТЕРАТУРА XXI ВЕКА

Надежда Тюленева

САМАЯ СИЛЬНАЯ МОЛИТВА

Часть первая
из книги «Родные человеки»

КРЫЛЬЯ ДУШИ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Тула • 2024

Дизайн обложки,
вёрстка и дизайн издания
Дмитрия Кузнецова

Тюленева Н. К.

Самая сильная молитва. Исторические записки, –
Тула, изд-во «Крылья души», 2024. – 88 с.

В коротких автобиографических литературных зарисовках автор воссоздает атмосферу, быт и нравы ушедшей эпохи XX века, высвечивая характеры живших в то время людей – о чём они думали, мечтали, как планировали будущее, боролись с невзгодами и старались обустроить в лучшую сторону свою жизнь.

Используемые в описаниях полузабытые слова, речь, выражения старинного языка русского простонародья уведут читателя к самым истокам возникновения Руси, знакомым нам со времен первых летописей и сказаний летописцев, будят генетическую память, присутствующую в глубинах подсознания каждого русского человека, позволяя почувствовать свою неразрывную связь с народом и его историей.

Родилась я за две с половиной тысячи верст от Тулы, в Зауралье, стало быть, не коренной житель столицы оружейников. Но живу здесь 56 лет, большую часть моей жизни, так что как не считать мне этот город родным! Поэтому и приняла предложение составителя книги «100 маленьких свидетелей большой войны» Александра Георгиевича Белова. Ведь Великая Отечественная война не обошла ни одного уголка нашей громадной страны, ни одной семьи. Так что «мозаика» воспоминаний, не одних только маленьких туляков довоенного года рождения, может дать более полное представление о народном бедствии 1941–1945 гг., перенесенном нашим народом.

ТЮЛЕНЕВА
Надежда Константиновна

Глава 1

ВСЕМ ХВАТАЛО И НЕБА, И ХЛЕБА

Деревня наша называлась Раскатиха, потому что раскатилась она по берегам речки, Чёрная называется, которая бывала в прежние времена в половодье поистине чёрной от своей свирепости, смывая с берегов чёрный песок, приносимый азиатскими пыльными бурями.

И даже частушка с давних времен сохранилась:

*Раскатиха раскатилась,
Разломайка на боку.
Развесёлая Глядяночка
Стоит на бережку!*

Глядянкой (в частушке – Глядяночкой) именовался теперешний районный центр, который стоит на крутом берегу Тобола, можно сказать, со стародавних времен. Сосна там росла громадная, богатырская, разлапистая, и в устроенном меж её вершинных ветвей скрадке сидел тот, кто глядел, сторожил границы, и давал знак, когда замечал на горизонте облако пыли, вздымаемое надвигающейся конницей степняков.

Хочу всё же о малой своей родине – Раскатихе – сказать. Когда и кто первым на том месте поселился, неведомо, следов в источниках не найдено. В литературе же впервые она упоминается за 1871 год входящей в Тобольскую губернию. И тогда уже в ней было 172 двора, проживало 496 человек мужского пола и 516 – женского. Была в деревне одна православная часовня во имя великомученика Георгия, две водяные мукомольные мельницы. Занимались рыболовством и большею частью хлебопашеством. В апреле и ноябре проводились Георгиевские ярмарки. Продавали лён, коноплю, говядину, покупали у гостей кожевенные товары, обувь.

К 1909 году в Раскатихе уже 18 ветряных мельниц и 5 водяных, артельный маслодельный завод, две бакалейно-мануфактурные лавки. К 1912 году – 245 хозяйств, 1426 жителей. Есть чайная, школа грамоты, две кузницы, кирпичное производство, пожарный сарай с каланчой. Славились раскатихинские мастера шитьем шуб и полушубков.

Ни Гражданская война, ни интервенция не обошли мою родную деревню... Через Раскатиху по Звериноголовскому тракту шла армия Колчака, село несколько раз переходило из рук в руки. Напоминает об этом времени братская могила, в которой покоится прах одного из моих родственников. Вместе лежат и те, кто за белых, и те, кто за красных. Слава Богу, правнукам не приходится в голову устраивать из-за этого разборки. Так же и по религиозным и национальным мотивам. Кто только не прижился за Уральской грядой! В Раскатихе, например, старообрядцы поморского согласия мирно соседствовали с православными, одни молились в своей часовне, другие – в небольшой деревянной церкви, у третьих был молельный дом... А сколько разных диалектов! И всем хватало и неба, и хлеба. И был мир... О, если бы вечно так было!

На Великую Отечественную ушли 164 моих односельчанина (среди них три сына моей бабушки), возвратились 67. На мраморных плитах имена всех не вернувшихся, в том числе брата моего отца, Тюленева Георгия Самойловича.

Глава 2

«НЕВЕДОМА ЗВЕРУШКА»

Мой отец, Константин Самойлович, работал до войны бригадиром тракторной бригады. Вспомнил однажды, к случаю, как «пропечатали» его в районной газете – за прогул (хорошо, не посадили!), это было 1 Мая 1939 года, они ездили с моей мамой в райцентр – сфотографироваться: – ну как же, зарегистрировали они свой брак в сельсовете в августе 1938, а фоточки памятной так и не сделали. Ведь надо же, чтобы в семейном альбоме был запечатлен этот исторический для новоиспечённой четы момент. Он и запечатлён. Между прочим, только 20 дней тогда всего и прошло, как моя мама стала мамой.

И вот оставив свою, в прямом смысле, кроху, имевшую при рождении 1800 граммов (буханка хлеба) веса, на попечение тёщи, которая будучи фельдшером-акушером и принимала внучку, счастливые родители махнули – с оказией, в подвернувшейся полutorке – в райцентр. И благо, что 15 км для машины – не расстояние, обернулись меньше чем за два часа. Молоденькая мамка схватила своё сокровище с такой неистовостью, будто прошла целая вечность. Женщины-колхозницы, ставшие матерями в эти же дни, пересмеивались между собой: «родила каку-то неведому зверушку и сходит с ума от радости». Ведь их детки-то рядом были настоящие богатыри и богатырши и ревели громкими требовательными голосами. Мама же моя считала, что это как раз у неё родилась настоящая куколка, и еле слышимый писк дочурки казался маме ангельским голоском. Бабушка-акушерка приговаривала: «Ничего, были бы косточки – мяско нарастёт». Когда добрые люди сообщили свекрови про «неведому зверушку», та спокойно изрекла: «Не жилец, видать. Ничего, молодая – народит ещё».

Глава 3

БЫЛО У МАТЕРИ ТРИ СЫНА

Папа ушёл на фронт и стал водителем тягача, который таскал гаубицы. Средний брат Георгий служил под Новороссийском, где и погиб рядовым.

А младший, такой шустрый, Ленёк пацанёнком выучился водить трактор. Ему едва 17 исполнилось, когда он прибавил себе

год и ушёл на войну вслед за братьями. Поскольку он был лихой тракторист, то быстро освоил танк и воевал до конца войны. Два раза горел в танке, два раза пришлось менять стального друга, вернулся с фронта в рубцах от ожогов. И в наградах.

Он играл на баяне, знал все фронтовые песни, я его обожала. Однажды мы с ним вдвоём прочапали 15 км (кстати, пешочком не только туда, но и обратно) всё в тот же наш райцентр, в Глядянку, опять же чтобы сфотографироваться. И всю дорогу пели песни... Он учил меня фронтовым. Никакой усталости от того пешего перехода я не запомнила. Война закончилась, но дядя Лёня ещё продолжал служить в Эстонии, и в тот раз приезжал на побывку.

Глава 4

И ПРИЕХАЛ ДЕТСКИЙ ДОМ

Во время войны к нам в Раскатику были привезены ребята-детдомовцы из Ленинграда и Москвы. Моя мама, Евгения Никитична, работала там подменной воспитательницей, основное же было у неё дело – учить детей начальных классов. В довоенных сельских семьях рождалось помногу ребятшек, когда отцы на фронт ушли, мамки-бабушки с темна до темна на работе – колхозной и в своем хозяйстве, за детками особенно ухаживать руки не доставали. Мама моя, случалось, «заросшему» ребятенку и волосики подровняет, и ногти с траурной каймой острижет... Благодарная мать всегда находила возможность хоть на бегу сказать «спасибо» учительке.

Я очень просила маму взять из детдома мне братика или сестричку. Не взяли. Но я при каждом удобном случае бежала в детдом поиграть с ребятками. А к Леночке и Боре Майзель словно прикипела.

Лена по возрасту – скорее подросток, а Боречке было... да, четырёх не было, а выглядел и того щедрее. Маленький, глазки-смородинки, реснички длиннющие, и глазки вот-вот заплачут. Он очень сердился, даже злился на меня, думаю, потому что я заходила за мамой в конце смены, и мы вместе уходили домой. Боречка, небось, думал, что это я нарочно от него её увожу. Он вцеплялся в мой подол зубками, а зубки были маленькие и чёрные. Он, может, и хотел бы меня укусить, но понимал – это уж слишком. А тряпке – не больно, за нее не заругают, даже если порвешь. Но и порвать он не мог – потому что зубки были слабенькие.

Глава 5

ЭТО МОЯ МАМА

Среди воспитательниц, сопровождавших эвакуированных детей, была одна ярко наделённая артистическими способностями и очень обаятельная. Она притягивала к себе необычайно. Мария Яковлевна её звали. Она-то и затевала, и режиссировала самодеятельные театральные постановки. Вовлечены были все, кто почувствовал в себе хоть каплю любопытства и желания попробовать, по сути, в фантастическом проекте. Участвовали учителя, техничка, продавец сельмага, лаборантка молокозавода, истопник, работница сельсовета...

Замахнулись на Островского, «Без вины виноватые». У бабушки моей, папиной мамы, Марии Ермолаевны, был большой дом. И репетиции некоторых сцен шли вечерами у нас. У окна стояла швейная ножная машинка «Зингер», привезённая из Владивостока дедушкой Самойлой Павловичем, портным флотского обмундирования. Деда уже не было в живых, но бабушка и папина младшая сестра Анна прекрасно освоили швейное дело. Анна обшивала себя, а бабушка всех – малых и больших, она-то и шила детдомовским мальчикам красивые байковые рубашки в мелкую зелено-шоколадную клеточку, а девочкам – тёмные сатиновые сарафанчики.

На машинку ставили керосиновую семилинейную лампу, «артисты» рассаживались кружком, и её света было довольно, чтобы видны были тексты переписанных в тетрадки ролей. Моей маме доверили роль главной героини, актрисы Кручининой.

Запомнился день премьеры. Клуб, бывшая деревянная церковь, забит. В первом ряду, прямо перед сценой, стояла низкая длинная скамья, «партер». Но я устроилась на вязанном из скрученных лоскутков коврик прямо на полу, в ногах у сидящих в «партере». Мама поставила мне под бочок маленькую корзиночку – с чекушкой молока и ломтём хлеба. Спектакль шёл без антракта. Вела я себя пристойно, старательно тарацилась на сцену. Молока не пила, хлеба не ела. И уж не помню своих переживаний, но, когда нашедшийся взрослый сын актрисы Кручининой, тоже актёр, Гришка Незнамов, с надрывом и сверлящим взглядом оставившую его в младенчестве родительницу, вскричал: «Так

выпьём же за матерей, которые бросают своих детей!», я, перешагнув через свою перевернувшуюся корзиночку, в момент оказалась возле рампы и сурово изрекла, апеллируя к зрителям: «Это моя мама!» Наверное, этот эпизод позволил Марии Яковлевне быть уверенной, что она не ошибётся, назначив меня на роль маленькой Русалочки в следующем спектакле «Русалка». Тем более что и говорить там было нечего.

Можно сказать, что в Раскатихе даже эпоха такая была, когда ставили спектакли. А этот, опять же по Островскому, «Гроза», созрел уже после нашего с мамой возвращения в родную деревню, то есть после нашего недолгого пребывания в украинском Остре и ещё более краткого проживания в Кургане.

Глава 6

ИСКУШЕНИЕ КРАСОТОЙ

И случился в эти дни всеобщего творческого горения жуткий конфуз. С дочкой главной героини, которую должна была играть моя мама. Для исполнительницы главной роли Мотья-молоканка принесла свою известную всем раскатихинцам и единственную Мотину роскошь – чудо-шаль. Ручного вязания, из белоснежного шелка! Именно что чудо. Такая большая, она могла быть сжата в пригоршне и тут же мгновенно распуститься, нисколечко не измявшись. Лишь покачивались, как струи диковинного мерцающего дождя, её длинные кисти. Шаль эта была туго завернута в областную газету «Красный Курган», и положен был бесценный реквизит в уголок ящика швейной машины «Зингер». Здесь, в доме бабушки Марии Ермолаевны, сотворялись и хранились до премьер все костюмы.

Не помню, как замыслено мною было это предприятие, помню лишь ужас позора и наказания. К счастью или к несчастью, мамочка моя не была свидетельницей этого всего. Она сдавала экзамены и зачеты на летней сессии своего учебного заведения, по окончании которого должна была получить диплом учителя географии. И вот, когда пропылило по нашей улице Верховке стадо, закончилась у хозяек дойка, управили скотину и поужинали, то есть уже в плотной темноте, наши артисты как всегда расселись в кругу

света со своими тетрадками. А бабушка Мария Ермолаевна пошла похлопотать насчёт перекуса – достать из печи и переложить в блюдо из чугуна истомившуюся за день сладчайшую «фирменную» её, медовую репу. Знаменитые парёнки. Дабы поддержать в артистах таким знатным десертом их творческое горение.

Я тут же притулилась на уголке зингеровского стола со своей заветной пестерюшкой. Там хранились все мои богатства. Маленький плюшевый серый медведик с зацелованной до лоска мордочкой, всяки-разны бусинки, пуговки, тряпочки, фантики и сшитая из серой холстинки кукла Фотя. Фотю сшила ходившая по деревням нищенка Малаша, бабушка не шибко привечала её, но в куске хлебушка никогда не отказывала... Фотя была безлика, безволосая и безногая. Были у неё две тоненькие, из того же серого лоскутка, ручки. Глазки, носик и ротик Фоти как могла я изобразила наклюявленным химическим карандашом. Длинная юбка скрывала безноготь. А на тоненькие ручки я накинула треугольник оранжевого в чёрный горошек сатина. Треугольник был достаточно велик, хватило замотать головку – так что из-под платка торчали фиолетовые глаза в толстых фиолетовых ресницах. Да, Фотю можно было бы считать красавицей... Но ведь я знала, что под платком Фоти скрывалась лысая головка, и это удручало... И вдруг Фотя в какой-то роковой миг явилась мне с двумя косами. Ослепительными, как первый снег. Ну, просто Василиса Прекрасная! Именно тот миг, думаю, и ослепил, и искусил бедного ребенка.

Глава 7. Отступление

ГОРШОЧЕК

А на самом дне моей корзиночки таился глиняный малюсенький горшочек. Его отдала мне, не выдержав наконец моих пылких вожделенных взоров на сей, казалось бы, ничтожный предмет, моя другая бабушка, мамина мама Александра Яковлевна. Сей предмет был из рода аптекарской посуды, в такие расфасовывались мази. Горшочек такой плотно запечатывался пергаментом и обвязывался туго вокруг горлышка.

Тут вспоминается мне момент из бабы-Сашиной практики. Повадилась к ней ходить на приём одна древняя паци-

ентка. Ласковая, ненавязчивая, придет и ждет, когда всех примут, и тогда только войдёт с каким-нибудь новым недугом. А тут с «шибко сурьёзным» явилась – глаза гноиться стали. Старушке и был вручен подобный горшочек с глазной мазью, деревянной лопаточкой и тщательно растолковано, как применять – раз в день. Перед сном. То есть на ночь. А прийти показаться надо, когда курс закончится – всё рассчитано. Старушка возникла на пороге через день – с пустым горшочком. Укорчиво сказала: «Да чо-то ты так мало дала, Яколивна Александра ты моя! Два раза только и хватило на кусок помазать – с чайкём поить!» «Ионатарьевна! Голубушка! – охнула бабушка, – слава Богу не отравилась! У вас же глаза, не чрево болит. Чего ж вы его глазной мазью потчевали?» – «А с чайкём-то шибко способно, Яколивна Александра ты моя!» – умильно шурилась старушка-слепушка.

Едва я стала обладательницей такого кукольной малости горшочка, картинка грядущего преступления, видимо, сложилась. Вот каков был финал.

Глава 8

«ТОЛЬКО ТРИ КИСТОЧКИ»

Перед репетицией последнего акта объявили «антракт», бабушка Мария Ермолаевна пригласила артистов в «буфет» – к шестку. Народ помаленьку перетек в кухню, круг вокруг «Зингера» освободился, лампу перенесли к месту перекуса... «Натка, а ты чего мешкаешь? – позвала тетя Аня, – иди, отложила тебе бабушка на твое любимое блюдо».

Но я все медлила, и она сама пошла за мной, припадая на левую ногу, поскольку была инвалидом с младенчества – когда её, совсем малышку, подхватил на рога бодливый бык и стал катать по траве. Одна ножка отнялась у Анечки от нервного потрясения, поэтому плохо росла и осталась тоненькой и заметно короче.

Тетя Аня распахнула дверь, чтобы осветить опустевшую комнату. Полоса света выхватила рассыпающийся белый клубок. Племянница пыталась собрать его с полу и впихнуть обратно в горшочек, но нити не слушались, струились сквозь пальцы, распадались своевольно на длинные искрящиеся пряди. Анна поняла всё сразу, но не хотела верить своим глазам. Факт тем не менее созерцали уже все! Тётушка заа-

хала: «Ах ты, сквернавка такая! Ах ты, подлая девка!»

Тут же пространство стали заполнять другие едоки репы. Внесли лампу. Бабушка Мария Ермолаевна вынула из «Зингера» свёрток, упакованный в газету «Красный Курган» – предмет разыгрывающейся живой, а не репетируемой драмы – раскинула шаль, несколько рук стали хватать со всех сторон за бахрому.

«Подлая девка» стояла в центре, хорошо освещённая высоко поднятой лампой. К груди прижимала горшочек и стиснутые в кулачке нити. «Разожми пальцы, дрянь! Вот ведь поганка какая! Испакостила шаль! Как перед Мотей-то оправдаться? – заходила тетюшка. – Ты хоть понимаешь, чо ты наделала, дурочка ты такая?! Ты зачем это сделала, отвечай!»

«Я же только три кисточки... и не подряд... и не до мяса – что я глупая какая! – племянница не опускала глаз, смотрела без боязни и старалась объяснить. – Три кисточки всего и отрезала – если их ещё разрезать напополам, как раз две косички для Фоти и сплету...»

«Сплетёт она! Девка бессовестная! Я сейчас тебе сплету! Ведь даже не краснеет, а!» – на «бессовестную девку» впервые в жизни вылилось столько бранных слов. «Проси прощения немедля!» – тётушка занесла руку, чтобы наддать племяшке ещё и подзатыльник, та хотела оттолкнуть «карающую десницу», выронила горшочек, злосчастные кисти, и что ей ещё выговаривала вслед тётя Аня, уже не слышала. «Преступницы» и след простыл.

Глава 9

ЗНАЙ СВОЙ ДОМ – И СПАСЁШЬСЯ!

Артистам как-то не по себе сделалось, стрёмно: «Вот куда понеслась – в темень такую!» – «Надо покричать её...» – «Вообще-то очень уж ты разгорячилась, Анна Самойловна!..» – «А как иначе – по головке гладить варначку: какая дорогая вещь испорчена! Чужая притом!» – «Всё же надо покликать, поискать дурочку...»

Бабушка Мария Ермолаевна остановила хор жестом маленькой смуглой руки: «Ни кликать, ни искать не надо. Садитесь и читайте себе дальше. Она, конечно, варначка, но не дурочка». Взяла серянки, коптилку и через некоторое время потихоньку оставила театральное собрание.

Направилась бабушка сразу в казёнку. Там сушились на-

низанные на жердь под потолком, в тенёчке и на сквозняке, нарезанные на зиму берёзовые веники, травяные сборы. На стенах висели пустые рамки для сот, две шляпы с сетками для лица и два белых халата. Стояли ждущая своего времени – Медового Спаса – медогонка, фляга, дымарь, запасной новенький улей. Да всяка-разна утварь – глиняная, железная, деревянная. Ну и безотказная кормилица семьи огромная кадка – в дальнем углу. В ней засаливали на зиму капусту. И хватало до весны. А летом в неё ссыпали сухой хмель. Попутно прихватив увязавшегося за ней котёнка, беглянка нырнула в кадку, и пушистая тьма участливо обняла их целиком, девочка почувствовала себя словно у мамы на ручках. В сон впала, видимо, мгновенно – от всего пережитого организм сам защитил себя. Котёнок звонко мурлыкал ей свою утешительно-благодарную песенку.

Бабушке Марии Ермолаевне не надо было гадать на кофейной гуще, куда побежала прятаться внучка. Ведь именно в этом месте искали утешения, будучи наказаны за шалости, её маленькие ребята: сначала Костя, потом Гоша и, наконец, заскрёбышек Лёнька. И уж когда «мужики зализывали раны», мать не смущала их, принимая вид, что не догадывается об их убежище. А муж Самойла Палыч рассказывал, что и он с братьями, а до него и отец его, будучи маленькими, огромную кадку эту использовали в том же назначении. Но-таки пошла Мария Ермолаевна убедиться, что неписанные родовые законы работают.

«Ишь, шельмецы!» – сдвинув с кадки крышку, прошептала она. В свете коптилки бабушкиным глазам предстали два вжавшихся друг в друга комочка – внучка и подобранный ею неделю тому назад на крыльце сельмага серый котёнок. Тогда, цепко прижимая его к себе, внучка храбро посмотрела бабушке в глаза и сказала: «Я назвала его Заяц. Зая! Он будет жить у нас с мамой!» – «Вот так, да?» – спросила бабушка, деваться ей было некуда.

Глава 10 ЗЕМНОЙ АНГЕЛ МАЛАША

Утром сели за стол вроде как ни в чем не бывало. Правда, творя молитву, бабушка с особой выразительностью произнесла: «...И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого!»

Ещё не закончили завтракать, пришла «нищуха» Малаша.

«Чего такую рань взыскалась?», опережая привычное Малашино приветствие «Мир вашему дому!», спросила бабушка. «Ангел привёл», – не смутилась Малаша. «Тогда садись к столу, горячего кулешика положу».

И вдруг ни с того ни с сего бабушка разоткровенничалась перед Малашей, даже отрезанные кисти показала и, глядя на внучку, присовокупила: «Да вот чай допьём и, благословясь, пойдём к Моте – каяться». «Как это?» – встревожилась внучка. «Очень просто – прощенья просить».– «Что, от этого разве кисти прирастут обратно?» Девчонка представила, что сейчас её снова начнут ругать на чём свет стоит, и не смогла скрыть предательски хлынувших слез. И всё это при любимой Малаше!

Малаша погладила девочку по стриженному затылку: «Погоди слезоньки-то точить... Я, с Божией помощью потщусь помочь твоему горю...» – «Новую шаль сотворишь?!» – именно это прочитала Малаша в заплаканных, но сияющих ожиданием чуда глазах своей маленькой подружки. «Новую шаль я, знамо дело, не сотворю – не кудесницы мы. А вот стростить... – всё ж как-никак, а я – природная пряжа, и матушка, и все по материнской линии. Так что потщусь...»

И стростила Малаша, мастерица страшения, отрезанные нити, и все дивились и не могли найти пораненного места в прекрасной шали.

Так я поняла, что есть, кроме небесных, земные ангелы. Они, случается, ходят по земле с нищенской торбой.

Глава 11 ТОЛЬКО ЖДИ – И ТЕБЯ ОБЯЗАТЕЛЬНО НАЙДУТ

Со слов моей мамы запомнился такой случай. Мама в ту ночь подменяла воспитателя в детском доме. Постучали в дверь, – вошла женщина. В шинельке, с вещмешком за плечами. Она искала своего сына, Володю Обласова, и нашла его здесь. Сколько же ей пришлось пережить, перевидать, перенести, прошагать, преодолеть – тысячи километров! Перестрадать и передумать... И никогда не покидала её вера, что она – войне наперекор! – найдёт своего сыночка. Это был высоколобый мальчик с огромными синими глазами, и у него уже была седая прядь, она резко выделялась на тёмно-русой голове. Когда Володю остригли, над виском оставалось белое круглое пятно. Как солнечный зайчик.

Володю бережно разбудили, сказали тихохонько, что к нему мама приехала. Сказали Володе на ушко, но как все услышали!.. Вы не можете себе представить, что началось!.. Все проснулись и повскакали в надежде, что и их родители вот так же могут, и даже непременно вернуться из небытия. Ведь вот же вот, живая, к ней можно прикоснуться, прижаться, ощутив щекой колючее шинельное сукно – Володи Обласова мама. Эти детки даже во сне были настороже – а вдруг найдётся мама, станет спрашивать, а ты не отзовёшься, и она уйдет...

Глава 12

БОЛЬШЕ Я НИКОГДА НЕ ВЯКАЛА

Вспоминаю военное время, и в памяти невольно возникают картины повседневного быта. Учителям как-то выдали по 3 кг овсяной муки; у нас ещё была картошка, и молоко покупали. Однажды бабушка Мария Ермолаевна сказала моей маме: «Вот тёлочку я вам подарю от моей Красотки, вырастишь её и будешь сама доить. И будет у вас своё молочко». И мама научилась с коровой управляться и доить.

А было и такое время, что в печку, кроме чугунок с картошкой и поставить нечего было, и я спросила, созерцая голодными глазами чугунок в печи: «Мама, а когда война кончится, ты дашь мне наесться досыта хлеба из муки?» Но я знала, сама видела (вместе играли, бегали друг к другу по-соседски), что у других в хлебе и семена кобылятника (конского щавеля), и лебеды, – растресканные и плоские такие хлеба получались. Но другого, лучшего, хлеба никто не спрашивал. Поэтому я только раз и осмелилась вякнуть насчёт «досыта после войны». Спросила и, помню, самой стало неловко: разве мыслимо было такое – чтобы и война кончится, и у всех хлеб из муки, и только мама моя не даёт мне его наесться досыта.

Глава 13

НЕМИРНО В МИРНОМ ГОРОДЕ ОСТРЕ

Помню, как вернулся отец с фронта. Мы жили тогда на Украине в маленьком городке Остёр, что на реке Остёр в месте его слияния с Десной, в Черниговской области. Галинка, младшая сестра мамы и моя крёстная,

рано выскочила замуж и за этим своим мужем метнулась на его родину, потянув за собою мать, то есть мою бабушку Александру Яковлевну. Они уговорили маму, и мы воссоединились с ними – в этом самом Остре, уже свободном от оккупации... Папе написали, что в Остре и будем дожидаться его возвращения с войны. Маму взяли работать паспортисткой, а поселили нас в большом и высоком одноэтажном доме сотрудников милиции. Дом этот стоял на улице, ведущей к пристани, и рядом с милицией, просто через забор, высоченный и глухой. Не так уж далеко находилась церковь. Это диво-дивное, даже наполовину разрушенное, неопишущую красоту, я увидела впервые (в нашей-то Раскатихе деревянную церковь переделали в клуб и избу-читальню еще до моего рождения).

Обстановка оказалась напряжённой: лес наводнён бандеровцами. Однажды мы с моим дружкой Жориком Зверевым, сыном маминой сослуживицы, выдавив сучок в доске забора, через дырку увидели, как во двор въехала телега, а на ней полуприкрытый брезентом милиционер... «Убитый!» – жгучим шёпотом сказал Жорик.

Из разговоров взрослых мы знали, что бандеровцев ловили, вели допросы. И вот пригласили на допрос для опознания одну женщину... Она вошла и с порога, слова не молвив, схватила со стола графин с водой и что было силушки маханула подследственному по чубатой башке. Оказывается, этот бандюга, держа младенца этой женщины за ножки, колотил её сыночком по стене... И у кого бы повернулся язык осудить несчастную за самосуд!

Помню, как мама делилась переживаниями с бабушкой – после очередного возвращения из райцентра, Козельца, куда ездила в сопровождении старичка-возницы за бланками чистых паспортов (на лошадке туда и обратно): «Мамочка, не поверите: душа холодеет и в жилах кровь стынет: у них же в дубравах схроны на каждом квадрате... Если возвращаемся благополучно – то только Вашими молитвами, мамочка!..» Бабушка прижимала мою маму, как маленькую девочку, к груди, гладила по волосам, целовала и говорила: «Вот так же и моя мама в Первую мировую молилась обо мне, когда в лазарете (просто большой палатке под красным крестом) – во время налёта германцев раненых оперировали».

Глава 14

ПИТЬ ИЛИ НЕ ПИТЬ? – ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС

З апомнилась, конечно, первая послевоенная встреча с отцом. Мне очень нравилось под утро перебраться к маме в постель и свернуться под её рукой клубочком. Кровать стояла на застеклённой веранде. Вдруг кто-то стучит в ромбик стекла. Этот кто-то вошёл в сад и стучит, главное – не в дверь, да ещё и разглядывает нас, спящих, через стекло! Мужское загорелое лицо и – совершенно невероятное выражение! Дядька был в военной фуражке с красной звездой, и непонятно было: то ли он лыбился так криво, то ли зареветь хотел.

Я нырнула под одеяло и страшно прошептала: «Ма-ам, там дяденька какой-то!» Но она почему-то не испугалась, а едва взглянув, с криком «Котя! Котик!» птицей вылетела из постели.

Я к этому папе Котику не сразу привыкла, и он не знал, как ко мне подойти.

– Дочка, пить хочешь? – предложил он, налив из кувшина примерно треть стакана (помнил, такой был порядок у тёщи – утром натошак, а главное, до курения непременно выпить стакан сырой воды).

– Хочу, – не очень-то хотелось, но я вежливо кивнула и выпила.

– Хочешь ещё? – обрадовался Котик и налил столько же.

«Ладно уж, выпью навельный, – подумала я, – может, угмонится и отстанет...»

Таки-выпила и хотела поставить стакан на поднос рядом с кувшином. Но Котик принял у меня стакан и галантно предложил: «Может быть, ещё?»

Я с рыданиями бросилась на кухню, где бабушка и мама готовили завтрак: «А он пить меня заставляет!»

Глава 15

ПОСЛЕДНЯЯ ГАСТРОЛЬ ПАРШИВЦЕВ

Д нем мы встретились в нашем саду с Жориком. Отец Жорика погиб на фронте. Как старожил, Жорик активно опекал меня и приобщал к своим «обычаям».

Из Остра можно было добраться и водным путем, например, до Чернигова. На утлом таком пароходике. Настолько

утлом, что скопление пассажиров и грузов на одном борту было чревато опасным креном. При малейшем предчувствии крена мужичок типа боцмана гнал публику на другую сторону: «Геть-геть на левый борт!», ну или на правый. Но, случилось, причаливал и вполне приличный пароход с командой настоящих матросов речного пароходства.

Мы с Жориком, заслышав непривычно сильный гудок прибывшего судна, устремлялись на подоконник в их квартире. Болтали ногами и с нетерпением ждали, когда потечёт по тротуару ручеек прибывших пассажиров. Замыкал эту шумную вереницу «эскорт» освободившихся после рейса матросов.

Действо наше состояло в том, чтобы прокричать над головами группы мужчин в белых робах и бескозырках: «Моряк с печки бряк!» и даже: «Матрос в штаны натрёс!», а потом мгновенно исчезнуть за шторой. Мы были уверены, что мы невидимы. Но однажды вся команда остановилась под окном и хором проскандировала: «Ай-я-яй, как стыдно!» А потом солидный бас завершил: «Сейчас пойдём к вашим мамам и спросим, как же они вырастили таких паршивцев?»

Мы переглянулись с Жориком. Ужас перепутал его мохнатые рыжие ресницы – Жорику была известна тяжёлая длань тёти Насти, его мамы. У меня холодком защекотало внутри. Это наше «выступление» было последним.

Глава 16

КОНФЕТЧИЦА НАДИЙКА

В день возвращения моего отца Жорик страшно страдал, видимо, мучился белой завистью и, пытаясь побороть её, спросил: «Хочешь карамелек? Угощаю!» Это означало, что мы идём к тёте Надийке, конфетчице, которая и делала эти вожделенные карамельки. Он ненадолго забежал домой, потом вернулся, взял меня за ручку и мы пошагали.

Ещё мы не переступили порог Надийкиного домика, а Жорик, втянув конопатым носишком воздух, уже расчухал: «Сегодня бергамотные делает!» А едва вошли и поздоровались, сразу протянул сложенную маленьким кирпичиком купюру.

Надийка разгладила её, ласково спросила: «Хлопчик, а то хто ж тобі дал таку велику денежку?» – «Да там в вазочке ещё лежали!» – простодушно захлопал Жорик своими ры-

жими шмеликами. Надийка насыпала нам в бумажные пакетики ароматных оранжево-белых подушечек. Не дожидаясь, пока уйдём, продолжила свой сладкий процесс, замечательно, казалось, простой и весёлый. Взяв большой ком белого карамельного теста, она потянула его и вдруг, как пряжу, набросила на крюк, тесто разделилось посередине пополам, вытянулось хомутом. Надийкины руки замелькали так быстро и красиво, и мы не заметили, в какой момент среди белой пряжи стали проявляться ярко-оранжевые нити. «Ну, уже ступайте собі до дому, диты!» – поторопила нас конфетчица, и мы поторопились, смакуя по дороге новый вид Надийкиной карамели. «Ой, а мы ни спасибки, ни...» – спохватилась я. «Да-а», – посожалел Жорик. Впрочем, и конфетчица, как видно, не собиралась прощаться. Управившись со своим сладким производством, она сама заявила к Зверевым и сразу стала секретничать с тёттей Настей, они обе и хмурились, и всплёскивали руками, и потихоньку смеялись, и смахивали слёзы... И понимающе сошлись на одном: «Растёт кавалер».

Думаю, «кавалер» скучал по своей послушной «даме». Наши мамы переписывались и всегда передавали нам приветы друг от друга. Жорик иногда вкладывал в конверт листочек с рисунком: танком, самолетом или кавалеристом.

Глава 17

«ЯК УКУСЭ – БУДЭ ЗНАК»

Вечером, перед сном, мама сказала: «Пожелай папе доброй ночи!» Всё еще дичась, как-то боком и поглядывая исподлобья, я сделала несколько шагов к отцу. Он вдруг встревоженно сам подошёл и склонился ко мне:

– Доченька, что это у тебя на ручке?! Часики какие-то... Уж не наколка ли?

На предплечье моей правой руки был фиолетово-зелёный оттиск детских зубов.

– Эти часики мне оставила... Люда... Кусака такая у нас в группе есть... Она всех тяпает... Да уже почти не видно, почти прошло...

– Какая дикая девочка! – ужаснулся папа Котик. – Ну вот что в таком случае с разбойницей делать? Ты её в отместку не тяпнула ли? Что, впрочем, наверно, и было бы справедливо...

– Часики у Натуськи скоро исчезнут, а вот то, что она подарила своей обидчице, ту ещё долго будет сопровождать, – отозвалась моя крестная, тётя Галя. Она помогала бабушке убрать после ужина посуду. Читалочку Натка про неё придумала... у Люды фамилия Рак – потому она, наверно, и такая кусачая – в похвалу крестнице пояснила моя крестная.

– Ну, а читалочку-то скажи, – попросил папа Котик.

*«Люда Рак,
Не бо рак...
Як укусе –
Буде Знак», –*

отрапортовала я, – и зовут её теперь «Люда Знак», и смеются... Ей не нравится, когда играем и этой считалочкой считаемся. Её мама даже приходила в группу, чтобы мы перестали.

– А сама-то Кусака перестала? А то не пойти ли мне, не разобраться ли с твоей обидчицей?

Помню свой возмущённый вопль:

– Ты шо-о-о?! Она ж малэнька, дитё-о! девочка!.. И у неё батьки нема!

Взрослые невесело рассмеялись. А отец притянул меня к себе и расцеловал в макушку.

Глава 18

«ХОРОША ДОРОГА К ДОМУ»

Как только папа демобилизовался, мы сразу решили возвращаться в родные края. Не мы, разумеется, а он, наш «папа Котик». «Нет, только домой!» – торжественно и так строго сказал он, что стало понятно: не обсуждается.

Но добраться до отчего дома через полстраны, когда вся она пребывала в уникальном состоянии мажорного и, казалось, броуновского движения, было не так-то просто. Все эшелоны на восток были переполнены. Отец поднял меня к вагонному окну, чьи-то руки втянули меня внутрь вагона. Таким же образом попала в вагон моя мама-худышка. Отец пробивался к семье последним.

За долгие годы войны солдаты наскучались по дому, по семье, по детям... Солдатские загорелые руки препроводили меня из отсека в отсек, и отовсюду я слышала жутко заинтересованные вопросы:

– Девочка, а ты стишок на память можешь? А песенку спеть? Может, и танцевать умеешь?!

Я была вежливой девочкой, чувствовала момент – что сейчас можешь-не можешь, умеешь-не умеешь – давай изображай, и отказаться – ну это как сквозь землю провалиться!

Я закатывала глаза и взмахивала руками, читая стишок знаменитого украинского поэта, сталинского любимца, Павла Тычины, выученный в детском саду:

*А я у гай ходила
По квитку ось яку!
...Я зайчика зустрела,
Дремав вин на горбку!
Була б його спиймала –
зозуля излякала:
Ку-ку!*

От громких дружных аплодисментов я до того осмелела, что, не смущаясь, изобразила и гопак, и «яблочко»... Красная, растрёпанная плясунья была в полном упоении от себя самой. Обеспокоенный долгим отсутствием дочки, папа Котик нашёл её уже в следующем вагоне. А там грохотал целый солдатский хор. Стоило мне своим голосишком (мама, слушая мои ликующие утренние распевки, с юмором называла меня «балалайка». Я думала, это похвала, но всё же видела, что по-настоящему нравится мой «вокал» только папе Котику), да, стоило мне, как лозунг, прокричать начало куплета «Распрягайте, хлопцы, коней!», дембельская публика в едином лирическом порыве подхватила: «Залягайте почивать, а я пиду в сад зелёный...» и ещё жарче: «Маруся раз-два-три! Калина! Чернявая дивчина в саду ягоду брала!» Папа Котик был свидетелем бешеного успеха юной гастролёрши. В награду кто-то совал в кармашек моего сарафана кусочки сахара, но горячие аплодисменты и крики «Ай да дивчинка!» «Ай да молодчинка!» – были не менее сладки.

Глава 19. Отступление НЕИЗБЫВНЫЙ ТОК ЛЮБВИ

Не сразу по возвращении в родные края, а через многие годы всплывали в моей памяти, словно кусочки мозаики, другие эпизоды нашего бытия в Остре. Мы с бабушкой Сашей в гостях у бабушки Александра и матушки

ки Анны Ищуков. Сидим на скамеечке в саду. Взрослые беседуют очень тихими голосами. Точь-в-точь – пчёлки среди лепестков розы, на которую я смотрю. Роза кремовая. Большая-пребольшая. Вся раскрылась и просто истекает живым мёдом. Кажется, пчёлки даже урчат от наслаждения, поглубже забираясь в лепестки. Вылетают такие тяжёлые. «Сытенькие...», – думаю я и чувствую, – поворачивается в моём животике противный сосущий червячок. Деликатно, но всё же так, чтобы заметили хозяева, тяну бабушку за рукав. Матушка Анна, конечно же уловила сей дипломатический жест: «Бедное дитя давно уже проголодалось... Да, Натуся?» Я благодарно киваю стриженной головой. «Так что же вы медлите, матушка, – поднимается отец Александр, – приглашайте гостей к чаю!» Он улыбается мне, моей бабушке, матушке Анне, пчёлкам, жужжащим в розовых соцветиях, солнышку – миру, и мне от этой улыбки так счастливо, так покойно. Батюшка кладёт мне на голову свою пастырскую ладонь, я чувствую её направляющее тепло, и мы идём к накрытому на крохотной веранде столику.

Такое же чувство охватывает меня, уже старушку, нынче, когда я открываю папку с письмами отца Александра и акварелями, летевшими к нам в заснеженные края, уже после смерти бабушки Александры Яковлевны, неся в себе такой ток поднимающей любви, что я чувствую, как покрывает меня её теплая волна... И тогда откуда только прибывают новые силы жить!..

Глава 20 РОЗОВЫЙ ВОДОПОЙ

День завершался сказочно прекрасно: сняли большую светлую комнату; мама нашла работу, о которой мечтала и к которой готовила себя чуть не с младенчества, затверживая за родителями всё, что касалось лекарств, на латыни и русском, и вот свершилось – маму приняли в аптеку, после небольшого испытания, помощником провизора. Папу Котика в тот же день зачислили в штат гаража областной больницы шофёром.

– И теперь у всех будут получки?! – вскричал догадливый ребенок.

– Уже завтра аванс – всенепременно! – заверил отец.

На радостях нестерпимо хотелось что-нибудь купить, ну хоть самое маленькое. Тут и подошли к главному универмагу. Бывшей церкви, без креста и колокольни, понятно. Решили заглянуть просто так – для впечатлений.

Поднимаясь по лестнице, глава семейства с усмешкой побренчал в кармане оставшейся наличностью – и на что бы этого могло хватить... Вошли – и он орлиным взором обвёл открывшееся пространство, забитое всяко – разно-безобразно, но сразу увидел то, что всем пришлось бы по вкусу и что было семейству, пожалуй, доступно – газированная вода с сиропом. Правда, всё равно не хватало, чуть-чуть – на газ.

– Ну и пусть, – мячиком запрыгал ребенок, – пусть будет просто сладкая розовая вода! Это даже вкуснее!

Газировщица понимающе смотрела на клиентов: перед ней стояли загорелый крепыш (кожан, фуражка с эмалевой звездой, галифе, выправка подтверждали его дембельский статус); стройная рыжеволосая женщина в ладно сидящем черном полупальто и задорно немного сдвинутом на левое ухо беретом; и девочка – не сводившая глаз с ярко-малиновой колбы с сиропом.

Стаканов не было, воду продавали в пол-литровых банках. Когда вода заполнила половину, газировщица включила сатуратор. Мячик просто взлетел от восторга в воздух. «Ой, с газировочкой!» Ребёнок, разумеется, первым заполучил волшебную банку. Тонюсенькие пальчики буквально облепили стекло. Вода резко начала убывать в банке. Вот уже исчезла треть, вот посуда пуста наполовину, а ребёнок не может остановиться. Ну хоть бы передохнула бедняжка, а она всё зюзенил и зюзенил, только раз и взглянула на родителей поверх ёмкости, и то вроде с опаской. А у отца выступили над верхней губой бисеринки пота. Мать улыбалась смущённо. Наконец, когда в банке оставалась едва ли четвертая часть, отец хоть полушутя, но взмолился:

– Доченька, может, оставишь папе с мамой – губки орисить?

Сделав немалое усилие, ребёнок оторвался от искушения, почти отталкивая от себя банку и отдуваясь и удивляясь, почему тётяшка-газировщица смотрит на них такими глазами... Родителей вполне устроили несколько глотков. Взяв девочку за руки, семья направилась к вы-

ходу. Девочка оглянулась. Газировщица всё смотрела клиентам вслед. Голос ребенка солнечно прозвенел под сводами тусклого здания:

– У нас завтра получка, и мы опять придём к вам на водопой – с тройным сиропом!

Дома у газировщицы прыгали вокруг нехожалой бабушки два таких же резвых мячика, только папку нечего было ждать уже с сорок первого года – «геройски погиб» – сообщалось в похоронке.

Глава 21

МЫ – ЗОЛОТЫЕ СТРЕКОЗКИ НА СИНЕМ НЕБЕ

Спускаясь с лестницы, ребёнок дёрнул родителей за руки. Было понятно без слов. Они подняли девочку как можно выше и громко, не сговариваясь, в один голос скомандовали:

– И-и, – полетели!..

Ребёнок вопил, заходясь от восторга:

– Пап! Мам! Мы – золотые стрекозки... Мы сцепились крылышками и летим в синем небе. Мы – золотые стрекозки в синем небе... Мы – лети-им!

И ничего в этот момент не наблюдалось ни синего, ни золотого. Небо принялись затягивать облака, суля близкую непогоду. И одеты были «золотые стрекозки», как по заказу, во всё темное, даже девочка была в сшитом из тёмно-серого клетчатого покрывала пальтеце. Но, в сущности, какое это имело значение! Иным видела она мир в этот самый счастливый для неё час.

– Ещё-ещё! Выше подымайте! Летим же, лети-им!

У родителей уже руки отнимались, а девочка казалась себе легче воздушного шарика.

Сзади раздался скрипучий и липкий какой-то голос: «Ну, летите, летите, голуби! Где сядете ...»

Семейство замерло. Папа Котик сказал: «Женя, не оглядывайся». – «С какой стати я буду оглядываться, – рассмеялась мама, – мало ли психов ходит! Летим, летим, Котик, мы же – золотые стрекозки в синем небе! Бегом, наперегонки до перекрёстка!» – взявшись за руки, родители просто убыстрили шаги, догоняя дочку.

Глава 22 МЕСЯЦ СЧАСТЬЯ – ЗА ПЯТЬ ЛЕТ ВОЙНЫ

Они жили этот месяц, не замечая времени. Всё сливалось в одну счастливую сказку. Пряничным казался маленький дом с кружевным сиреневым палисадником. Как будто вечно жили они в этой квадратной уютной комнате с окнами на солнечную сторону. И самое главное – будто с рождения – под крылом любезных хозяев, Александра Палыча и Зинаиды Ивановны Ужгихных, девочки которые представлялись старичками, а на самом деле были не намного старше её отца. В первую же неделю квартиранты перепилили берёзовые бревна на кругляки, во вторую – папа Котик колот эти чурки, а мама с дочкой укладывали поленья в поленницу. Хозяин, прихрамывающий на поражённую ревматизмом ногу, сновал по двору с метлой. Хозяйка жарила пирожки с капустой. И капуста была нового урожая, и полешки в плите – только изпод топора. И, получалось, живёт в домике одна большая дружная семья. Звенел без усталости детский голосок; напевала что-то себе молодая женщина; гудели, как два шмеля, переговариваясь негромко, мужчины. В приоткрытое кухонное окно выплывал невообразимый запах шкворчащих на сковородке пирожков... А потом, после трудов праведных, общее чаепитие за круглым столом, накрытым расшитой по углам красными петушками скатертью, и, конечно же, под оранжевым шёлковым абажуром... Прекрасный сон продолжался изо дня в день, и у родителей иногда замирала душа: не случится ли уже сегодня мрачное пробуждение. Только девочка, которую мама называла «золотая моя балалайка», жила самозабвенно припеваючи, ни о чём не тревожась, ничего не предчувствуя.

Глава 23

«ВЫ ТОЛЬКО НЕ РАССПРАШИВАЙТЕ»

Однажды поздним вечером, когда все уgomонились и готовились ко сну, мама и Зинаида Ивановна что-то никак не могли разойтись с кухни и всё что-то обсуждали важное и тревожное.

– Знаете, – говорила мама, – а мне всё кажется, что за нами по пятам всё гонится эта война, будто зверь какой, и вот-вот сцапает сзади...

Зинаида Ивановна уговаривала квартирантку, как мать уговаривает дитя:

– Ну что вы, Женюша, это всё пустые же страхи... Смотрите, как всё у вас удачно складывается... И у Константина Самойловича в гараже, и у вас в аптеке... Вами довольны. Пошла какая-никакая по первости зарплата... И потом – разве вам плохо у нас?..

– Да нет-нет, как можно Бога гневить, вы с Александр-Палычем для нас просто подарок судьбы, всё просто хорошо, даже замечательно... не оттого ли боязно так...

Но наступал новый день, и счастье продолжалось.

Впрочем, однажды папа Котик вернулся с работы, как бы потерявшим по дороге свою улыбку. Все это заметили, но никто ничего не спросил, только ребёнок необычно ластился к отцу, примащиваясь на колени, обнимая за шею, приговаривая: «Устал мой папа Котик... Устал... Давай я тебя пожалею». И – словно алмазные искорки проблеснули у отца под ресницами.

Зинаида Ивановна шепнула квартирантке на ухо: «Вы, Женюша, только не спрашивайте сейчас... Успокойтесь и сам расскажет. А может, рану какую скрывает, и она заныла?»

«Да понимаю, понимаю я всё! А ранение у него неопасное было! – как бы даже рассердилась мама. – Доброй ночи, Зинаида Ивановна!»

Глава 24

ШЛА СЕБЕ ЖИЗНЬ СВОИМ ЧЕРЕДОМ

Новое утро началось, как всегда улыбочиво, покойно. Вместе с тем чувствовалась в нём какая-то ползучая трещинка.

У них уже начали складываться свои милые традиции. Например, по утрам «проводиться до уголка». Держась за руки, они шагали деловито до первого перекрёстка, обнимались, потом каждый поворачивал в свою сторону: родители на работу, девочка обратно домой. Судьба и здесь им улыбнулась: удивительная Зинаида Ивановна взяла отпуск.

Они хорошо поладили: хозяйка и маленькая квартирантка. В полдень они непременно отправлялись гулять. Маршруты бывали разные: то в театральные садик, то на главный рынок; то к мосту через Тобол – понаблюдать за многочисленными рыбаками, то полюбоваться на школу, в которую должна через год пойти Зинаида Ивановны подружка.

А неподалёку от школы начиналась и тянулась почти на квартал высокая стена. Из-за неё виднелись верхние этажи такого же длинного здания. «А здесь чего?» – спросила девочка. «Не чего, а что... да так, юдоль слёз и печали...» – «Ага, понимаю, больница...» – кивнула подружка.

Возвратившись с прогулки, кухарничали-самоварничали и вели бесконечные беседы. Это тоже становилось традицией.

Глава 25

«ПОИГРАЕМ В ШУСТРИКИ?!»

В это утро, обнимая при прощании отца, девочка горячо зашептала ему в самое ухо: «Только ты ничего не бойся! Я тебя зачичу!» Папа Котик распрямылся, и как тогда, в Остре, в оконном ромбике веранды, у него стало такое лицо: то ли лыбится, то ли силится не зареветь. Он взял дочку за руку, раскрыл её ладошку и бережно поцеловал в самую серединку. «Ой, чекотно...» Он поцеловал ладошку ещё раз. «Батюшки какие нежности! – насмешливо и не без лёгкой ревности сказала мама, – ну, хватит уже прощаться, а то опоздаем!»

Зинаида Ивановна встретила проводившую родителей девочку заманчивым предложением: «А не заняться ли нам, детка, сотворением волшебного варенья!..» – «Заняться, заняться! А из чего его сотворят?» – и запрыгала в ожидании чуда. «Ну как же, это можно прочесть в справочнике волшебника, вот научись хорошо читать... Например, из шиповника и ранеток! Представляешь, какое солнечное получится варенье!» Зинаида Ивановна жестом мага сдёрнула полотенце, прикрывавшее два небольших таза – в одном янтаре горели промытые ранетки, в другом багрятели фонарики невероятно крупного шиповника. «Ух ты!» – хлопнула девочка в ладоши.

День пролетал незаметно. Скоро должен был вернуться рабочий народ: родители и Александр Павлович.

«Я пойду немножечко поиграю с ребятами?» – спросила девочка. «Уже?! Познакомилась?» – «Да нет, я просто вчера видела, как они за углом в переулке в классики прыгали». – «А примут они тебя?» Подружка только повела плечиком.

Девочка и мальчик, которых видела она вчера, оказались братом и сестрой, они и сейчас прыгали в классы, но приглашать незнакомку не собирались. Она встала у чужих ворот. Брат и сестра прыгали, она стояла. Никто никому не мешал.

– И вам не скучно? – бесцветным голосом спросила незванная гостья.

– Тебе скучно – ну и иди отсюда! – был ответ. – Тебя не приглашали.

– Давайте в шустики! – последовало предложение.

– В какие ещё шустики... куклы, что ли? – Не очень-то заинтересовались ребята.

– Только это игра для смелых и в самом деле шустрых ... По вашему переулку машины часто ходят?

– Ну... не очень часто, но ходят...

– Во-от... стоим как ни в чём не бывало... ждём... И ка-ак только машина покажется, начинаем перебежать дорогу. Туда-обратно...туда-обратно... Кто последним ближе всех перед ней перебежит – тот и самый шустрый!

– Здорово! – одобрил мальчик.

Тут и показалась машина.

Глава 26

ДИВНОЕ ЛЕКАРСТВО – ПЕНКА С ВАРЕНЬЯ

Ладно, на первый раз я вам покажу. Вы стойте... Только подпущу её поближе...

Ребята в диком восторге следили, что будет дальше. И всё равно не уследили, как незнакомка отделилась от них и пулей пронеслась перед самым радиатором.

Жутко взвизгнули тормоза, из кабины вопреки выпрыгнул безумно перепуганный и столь же разъярённый дядька. Он одной рукой схватил шуструю девчонку за шиворот, другой шлепал пониже спины: «Ах, ты ж варначка такая! А ну-ка сейчас же домой и скажи маме, что я задержусь немного, а с тобой, мила дочь, я вечером разберусь!» Шустрая девчонка повисла у дядьки на шее и запричитала: «Папа Котик!

Миленький! Возьми меня с собой! Возьми меня! Возьми! Я тебя зачичу! Я зачичу тебя!» – «Беги уже домой, зачитница!» – почти в голос плача и сквозь слёзы смеясь, отец ещё подшлёпнул дочку и задал направление к дому. Она ещё какое-то время, бежала за машиной, призывая: «Папа Котик! Папа Котик!» – будто он мог её услышать и послушаться.

Когда она с громким завыванием ввалилась в калитку, мама уже была дома. Чтобы дочка плакала, да ещё так безутешно, такого и не бывало. «Чего это завываешь? Что такое страшное приключилось?» – мама присела перед дочкой и, повернув к себе, с ужасом вглядывалась в немислимо опухшее от слез, ставшее вдруг незнакомым родное лицо.

«Да, Господи Ты Боже мой, и впрямь словно покойника обвывает, – пронеслось в голове Зинаиды Ивановны, а вслух она произнесла: «Это кто ж так ребёнка исхитрился обидеть?..»

– Меня папа Котик с собой не взял и подшлё-подшлёпков надава-а-ал!

– Вот как, – изумилась Зинаида Ивановна. Она чувствовала себя виноватой – ей доверили ребенка, а она не досмотрела, и вот случилось что-то ужасное, – своей любимой девочке – подшлёпков! Это как же и где такое могло произойти, когда ты всего лишь к «ребяткам на немножечко» поиграть пошла, ка-ак?

Рыдания достигли апогея. И раздался неожиданно грозный мамин глас:

– Надежда! А ну-ка прекрати базлать! Ты слышишь меня? Надежда! Прекрати баз-лать!!!

Общими усилиями мама и Зинаида Ивановна расспросили и успокоили девочку, поспособствовала тому пенка с волшебного варенья и холодное материнское заключение: «И мало ещё он тебе подшлёпков надавал». Видя, как мама раскрывает её постель, девочка неуступчиво, заранее готовая протестовать, прошептала: «Спать всё равно не буду! Буду его дожидаться!»

– Ну и дожидайся, кто тебе не велит! Дождись – лёжа! В постели!

Но едва оказавшись в горизонтальном положении, ребёнок мгновенно впал не то в сон, не то в забытьё.

Квартирантка и хозяйка сидели рядышком, полные недоумения и тревоги... Самовар остывал... Хорошо ещё и

Палыч сегодня против обыкновения задержался... Это отвлекло и объединяло женщин.

С извинениями первый появился Палыч, с порога пояснил: «Да в конце дня решили по-быстрому партийку в шахматы... А я проиграл. Хотелось реванш взять. Вот и припозднился...»

– Да уж! – разом облегченно выдохнули женщины. – Слава Богу, одного дождалась.

Снова раздули самовар, напилась чаю со свежим вареньем. Потом хозяйка ушла в свою комнату, а квартирантка вышла на улицу, стала ходить вдоль забора туда-обратно. Было уж за полночь.

Глава 27

С ПОЛЕВОЙ СУМККОЙ ВМЕСТО ПОРТФЕЛЯ

Утром девочка проснулась и обнаружила, что одна дома. Неужто она так долго спала, что родители и Палыч ушли на работу, а Зина-Ванна ... Где Зина-Ванна? Уж она бы точно не оставила её под замком... В ночной рубашке выскочила на крыльцо. Зинаида Ивановна развешивала на веревке бельё... их бельё, голубое в зелёных берёзовых листиках... Мама ночью, что ли, стирала и не успела развесить... Как-то всё наперекосяк со вчерашнего дня шло.

– Вот и сонюшка-засонюшка наша встала, – обернулась на скрип двери Зинаида Ивановна. – А ну-ка быстро в дом – застудишься! Сейчас вместе завтракать будем, я нарочно тебя ждала...

Девочка была молчаливой и заторможенной. Ни о чём не спрашивала, ничему не удивлялась. Хозяйка напрасно пыталась её растормошить:

– Тебе как больше нравится, чтобы тебя звали: Наточка? Надюшка?

– Никак, – диалог явно не клеился.

– Ну как тебя любимая бабушка зовёт?

– «Как-как»... Какая любимая?.. Бабушка Александра Яковлевна: детка да детка. А бабушка Мария Ермолаевна: неслушница... А мне – хоть горшком, только в печку не сувайте!

– Охтенки мне! – всплеснула руками Зинаида Иванов-

на. – И когда успел ребёнок столько премудростей набраться. Может, мне тебя уже по имени-отчеству величать: Надежда Константиновна. А?

Девочка изобразила улыбку.

– Ну, наконец-то распогодилось! А знаете ли вы, Надежда Константиновна, куда мы сейчас с вами пойдём? Кстати, ничего, милая барышня, если я всё же буду вас так называть?

Зазвенел привычный Надюшкин смех.

– Я с вами серьёзно, милая барышня! – на лице хозяйки не было улыбки. А девочка уже просто умирала от смеха. Думала, продолжает юморить хозяйка. – Знаете, у меня ведь скоро кончается отпуск... А места в детском саду пока нет... Да и что в самом деле, разве вы малявка какая-нибудь, чтобы вас за ручку в садик водили! Нет, с ранцем или портфелем в школу – и только самостоятельно. Без всякого там сопровождения и надзора! Правда?

День принимал ошеломительный поворот. Девочка мячиком запрыгала вокруг хозяйки. Её взволновало предчувствие какой-то совсем новой жизни. Она радостно вскричала:

– А мне и не нужен никакой ранец, никакой портфель! Я буду ходить в школу с папиной полевой сумкой!

Глава 28

МОЖНО ЛИ СЛЫШАТЬ ТО, ЧТО ЗВУЧИТ В ГОЛОВЕ ДРУГОГО?

И вдруг замерев от неожиданности того, что прозвучало в её голове, села на пол: «... Я, кажется... человека убил», – прошептал мужской голос... Но тут такой шум стал этот голос забивать! – будто галька прибрежной волной перекатывалась... А вот другой голос пробился: «Ничего не остаётся, родной... как идти «сдаваться»... Догнала-таки проклятая!..» Эти два голоса – чьи они были? – девочка в смятении смотрела на склонившуюся к ней женщину. Ничего не спрашивая. И та молчала.

Девочка внимательно смотрела в глаза Зинаиде Ивановне: слышала или нет? Можно ли слышать то, что звучит в голове другого?..

Ни слова не говоря друг другу, каждый в своём мире, и пошли записываться в школу. Шла первая декада сентяб-

ря, классы были сформированы. Но в «1-б» классе оказалось как раз на одного человека меньше. «Не хочу в «б», хочу в «а!» – услышав такое, директриса даже рот приоткрыла. «Это кто тут такое к нам пришло?! Да тебя, ещё неизвестно, вообще примут ли... – но было видно, что она заинтриговалась. – И чем же это «б» хуже «а»?» «Чем-чем... понятно же: «б» – бяки...»

«Ах, так!.. – а вот я запишу тебя в «а», – и доказывай каждый день, что ты не бяка: за неделю выучи пропущенное, догони и перегони свой класс».

Зинаида Ивановна притиснула подопечную к себе: «Она догонит-догонит, она хорошо считает и читать немножко умеет...»

– Но родители при первой возможности должны прийти.

Возвращались домой Зина-Ванна и Надя с чувством, что совершили нечто большое и важное, держась крепко за руки, как подруги.

Глава 29

«Я БУДУ СПАТЬ НА ЕГО ПОДУШКЕ»

А Евгения с ужасом думала только об одном, как рассказать, объяснить ребёнку весь этот кошмар. Было страшно, как они сейчас встретятся... Но дочка подошла к ней, без сил опустившейся на скамейку возле окна, и обняла за плечи: «А мы с Зиной-Ванной в школу записались... Мне портфеля не надо покупать. Я буду с папиной полевой сумкой ходить». Спать улеглась беспрекословно. Только уши наострила топориком. Мало что уловила, а из уловленного ничего не поняла. Да и сон не замедлился.

Устала Евгения до такой степени, что не было сил ни жевать, ни глотать. А надо бы ещё погладить бельё. На углу стола призывно голубела сложенная аккуратно стопа. Заботами Зинаиды Ивановны вывешенное с утра на улице, бельё от солнца и ветра вобрало столько свежести, что просто благоухало и манило уткнуться в него лицом. Евгения уткнулась, глубоко вдохнула, а на выдохе не то хриплый крик, не то рыдание вырвалось из её груди. Закусив наволоку, подавила в себе подступающую истерику и сидела, оцепенев. Страшно было разбудить дочку. Но нет, кажется, не разбудила.

Зинаида Ивановна придвинула квартирантке кружку мятного чая, тарелку с оставшимся от ужина омлетом. Евгения начала машинально есть, на автомате спросила:

– Не отстиралось? Казалось, весь в кровянице был... Ночью во дворе холодной водой старалась облагородить... Но всё равно сукровица шла...развернула наволочку.– Ну да, проступает...» – и всё принюхивалась к проветренной ветром ткани...

Что-то прошелестело...

– Ведь спала же, спала!.. Откуда выросла за плечом?..– девочка забрала наволочку из рук матери и пошла в комнату, как сомнамбула, бормоча: «Это папы Котика кровь... я буду спать на его подушке...» Набросила наволочку поверх, упала крестообразно с распахнутыми ручонками.

Утром вскочила раньше матери, спокойно объявила: «Я всегда буду провожать тебя на работу. Я буду тебя зачищать. Вот если бы папа Котик взял тогда меня с собой, ничего бы не случилось!»

Мать поняла, что это останется в дочери навсегда. Надо как-то научиться с этим жить...

По дороге крепко сжимала материнскую руку, старалась шагать рядом, вдруг остановилась и заглянула матери прямо не в глаза, но в самую душу:

– У того, ну... убитого, детки есть?

Обливаясь холодным потом, мать отвечала покорно:

– Дочка...

– Маленькая?

– Учится... намного старше тебя...

– А как звать?..

– Светлана...

В голове Евгении промелькнула странная мысль: «При рождении каждой из девочек (мы нашей Наде – и те – своей Светлане) желали счастья. Мы нашу назвали в честь Надежды Константиновны Крупской, те – в честь Светланы Сталиной-Аллилуевой... – И что?..» Вопрос изначально не имел ответа.

– Ну, до вечера, доченька. Дай ручку. Теперь я буду целовать твою ладошку. Слушайся и помогай Зинаиде Ивановне.

Глава 30

НЕ ВРУШКА ОНА,– СОЧИНИЛКА

Тебя после школы встречать, Надюша? – спросила Зинаида Ивановна, дойдя с девочкой до школьной калитки. Последовало заверение:

– Пф, дом-то рядом! Не заблужусь!

Всё же часам к 12 Зинаида Ивановна решила на всякий случай выйти девочке навстречу. К её удивлению новоиспечённая первоклассница заявила домой сама – уже в одиннадцать. До невозможности сосредоточенная. Зинаида Ивановна взглядом требовала объяснения. «Учительницу домой вызвали – у неё ребёнок заболел».

Учительница уходила к больному ребёнку третий день кряду. Зинаида Ивановна выразила возмущённое недоумение: «Учебный год только начался, а уже такой непорядок!» «Что же вы сразу-то мне не сказали?..» – Надина мама сама была учительницей и сразу почувствовала неладное, но на дочку решила раньше времени не нажимать.

Нет, девочка не самовольно уходила из школы после третьего урока. Она отпрашивалась ... посидеть с больным братиком.

Как было на самом деле, дочка особенно и не запиралась:

– Просто мы в это время с одним мальчиком возле турмы ходим. Зина-Ванна говорила, что это какая-то юдоль. Никакая это не юдоль. А турма! Мне Яша рассказал. У него тоже папу засадили. Он всего лишь только одну маленькую лашатку из колхозного табуна свёл... Мы просто ходим и смотрим в окошки – некоторые в решётки выглядывают. И тогда можно рукой помахать...

Когда «разбор полётов» закончился, девочку накормили и отправили в постель. «Какая молодец, как это она причулась моментально засыпать!» – похвалила Зинаида Ивановна. Но это не было достоинством дочки, а скорее умением матери снять стресс и восстановить мир в детской душе. Напоследок женщины как всегда уединились – свести сальдо-бульдо минувшего дня.

– Получается что же? Наденька – врушка у нас? – огорчалась квартирная хозяйка.

Квартирантка улыбалась устало и виновато:

– Не врушка. Сочинилка. Ни с того ни с сего такое выдаст... Надо мне было на базе лекарство получить, в тот день

Надюшку не с кем было оставить – с собой на работу взяла. Сели с ней в кабинку, ждём шофера, а вместо него за руль садится доктор Михаил Федорович. Сошлось: шофёр заболел, а у доктора тоже был какой-то вопрос по оборудованию и инструментам. А доктор такой общительный, у него самого двое ребят. Поздоровался весело, посмотрел на мою Надю и спрашивает так строго: «А что это у тебя с левым ушком, девочка?!» А вы, Зинаида Ивановна, не обращали внимание – ушки у Надюшки чуточку разные – на левом такой маленький треугольный загибчик ушной раковины. Котя из-за этого её даже называет иногда «Карнаушка». И ведь никто же никогда не замечал – а доктор этот – на тебе. И что вы думаете ответила моя дочка-кочка? Да на миг не замедлилась! «Это, – говорит, – мы пельмени стряпали, и я с тестом баловалась – лепила всякое, мама меня по уху скалкой и ударила, а ухо-то и загнулось!» – «И что доктор?» – развеселилась Зинаида Ивановна. «А с виду, говорит, – вы такая интеллигентная!» И смеётся. «Так что сочинилка она. Сочинилка вульгарис», – и Евгения тяжело вздохнула, – но этих проходочек вдоль «турмы» она не оставит – это выше её сил, уж это я точно знаю. Будет убегать туда как только ей вздумается. Пока не отправят Костю по этапу... Представляю... будет, как собачка маленькая, ошиваться под стенами «турмы» в ожидании любимого хозяина...

Глава 31

ЦЕРКВЕЙ НЕТ, ДА БОГ-ТО МИЛОСТИВ

Квартирантка обняла свои дрожащие плечи. Повисло молчание. Потом женщина вдруг встрепенулась, взмахнула руками, словно крыльями: «А, собственно, что это я заунывала? У нас же в деревне целых две бабушки и обе родные! Надеюсь, свекровь не выставит внучку. И дом большой, и тетушка, то есть золовка, молодая, не замужняя, кстати, тоже, учительница, и корова у них есть... Конечно, если бы к моей маме, я была бы спокойнее, ведь мы жили вместе, пусть недолго, в Остре. На Украине ... и зачем сорвались... ничего бы этого не случилось... да что теперь... Но мамочка сама живёт при больнице...»

Хозяйка понимающе вздохнула, ободрила:

– Ничего, Женюша, Бог милостив, молитесь. Правда, церкви-то ни одной в городе не осталось... А вы в душе молитесь...

– Да не крещёная я... Ещё и комсомолка... И молитв не знаю...

– А душа, она от рождения христианка, своими словами, как сумеете, молитесь. Он услышит.

Глава 32

ЗДРАСЬТЕ ВАМ! МЫ ПРИЕХАЛИ

«Октябрь уж наступил. Уж роща отряхает последние листы с нагих своих ветвей. Дохнул осенний хлад. Дорога промерзает. Журча, ещё бежит за мельницей ручей...» Мать и дочь, сидя в кузове дряхлого грузовичка, вжимались друг в друга. Хоть сидели в копне соломы, в одеяле, ветер всё равно находил себе лазейку и крал живое тепло.

Девочка сначала повторяла слова за матерью, потом произносили вместе, в третий раз читала стих без подстраховки.

Через час, однако, прибыли в родимую Раскатиху, и резво шагая по бабушкиной улице Верховке, девочка гордо декламировала: «Александр Сергеевич Пушкин. «Октябрь уж наступил...»

Бабушка Мария Ермолаевна при виде возникших на пороге родственниц радости не выразила, тем более обнимать не кинулась. Но подошла к снохе ближе и, глядя в её бесстрашно открытые, синие глаза своими зелёными треугольниками, тихо спросила:

– Сколько дали?

– Суд через неделю, – ответила сноха.

– Ну что стоять-то, располагайтесь... Промёрзли... Сейчас самовар раскочегарим. Горошница в загнётке – горячая... Анна из школы вот-вот придёт, будем обедать. – Поманила внучку к себе, привлекла, прощупала спину, плечи.

– Худышка. Не кормит мать-то, что ли?

Внучка освободилась из горячих бабушкиных рук:

– Кормит! Просто – я не обжора!

Бабушка чуть тронула улыбкой губы:

– Ну и добро, легче прокормить будет... В школу-то ты уже ходишь? Тоже хорошо – меньше дома под руками толочься будешь – вон, видишь у меня сколько работы сейчас – и указала на швейную машинку «Зингер», – для детдомовцев шью... Бесплатная, правда, работа. Но душе в утеху. Считаю, в помин по сыночку, убиённому воину Георгию...

Глава 33

А ВАША НАДЯ МАТЕРИТСЯ

И потекла моя жизнь в деревенском бабушкином доме... В школе мне было не тяготно, правда, мир с учительницей не брал. Хотя была она тихая, кубастенькая, уютная, к синему платью белые кружевные воротничок и обшлага подшиты. А не понравилось, что сразу жаловаться начала, причём бабушке Александре Яковлевне:

– Не могу скрыть: ваша внучка нецензурно выражается. Привезла, называется, культуру из города!

– Что же прямо вот так в классе, принародно и крыла матом? – в голубых, по-молодому ясных и живых глазах бабушки, Георгиевского кавалера, читалась некая научная заинтересованность. – А вы могли бы повторить для меня эти нецензурные выражения? – Вы что, серьёзно? Как вы можете такое мне предлагать? – Ну, тогда хоть расскажите, как это происходило?

– Ну как... Я дала задание – обвести в тетрадке карандашом и раскрасить осенние разные листья. Дети должны были заранее их собрать. Вот они рисуют, а я журнал заполняю. Тут одна ученица, Рая, соседка вашей внучки, спрашивает: «Можно сказать?» – Я говорю: «Говори!» И она говорит: «А Надя залезла под парту и матерится».

– И что вы? – в бабушкиных молодых глазах мерцал жгучий интерес.

– Ну, что я? Предложила вашей Наде выйти на улицу и продолжить сеанс мата там, перед сторожихиной Каштанкой, – учительница не скрывала удовольствия от своей педагогической находчивости.

– Вы – большая умница! Но матерные слова всё же, прошу вас, повторите – исключительно для чистоты, скажем, эксперимента.

– Да-да, понимаю... только вот не могу вспомнить, – учительница, заливаясь краской, опустила глаза.

– Знать, очень махровое выражение! – сказала бабушка.

Глава 34

«ПЯТЁРОК ХОТИТЕ? ИХ ЕСТЬ У МЕНЯ»

Была суббота. На поздней, счастливо подвернувшейся попутке, приехала дочка Александры Яковлевны, Надина мама. Сначала забежала в больничку. Обменя-

лись новостями. «Да-а, вразнос пошла девица, – огорчение и усталость были в голосе молодой женщины, но ещё хватало сил шутить. – Обязательно найдётся кто-нибудь, кто намекнёт: от худого семени не жди доброго племени... Мамусенька, я вам с Ермолаевной по платочку – к Октябрьским праздникам. Простите, очень скромный подарок». Александра Яковлевна пришла в ужас: «С ума сошла! Уже не телосложение, а теловычитание у тебя. Хлеб свой на платочки поменяла, да?»

Свекровь приняла платочек благосклонно. Положила невестке в миску ещё не совсем остывшей тыквенно-пшённой каши, сдобрила ложкой конопляного масла. Внучка уже спала и её будить не стали, отложили разборку до утра. О происшествии рассказала золовка, Анна. Событие не шибко-то её расстроило, ну сматерилась и сматерилась, вылетело как-то, чего не бывает!

«Какой мат?! Где она его подхватила? И когда успела?», – недоумевала мать.

Утром дознались: такими словами ругался тот самый Яша, с которым Надя три дня возле «турмы» ходила:

«Всего лишь за маленькую «каку-та лашатку атса в турму засадили. Гавнуки Идрона Копадь», – Яша особенно смачно произносил это затейливое «Гавнуки Идрона Копадь», очень красиво эти слова произносил, девочка их иногда под настроение, в уме или шепотом, повторяла. Просто так, потому что красиво, очень сильно и непонятно звучало. Но тут вот громко получилось!

У Нади на уроке рисования начала скользить с парты её осенняя коллекция. Листик за листиком с шёлковым шелестом убегали из-под её пальцев. Она нырнула за ними и, собирая листики в стопку, их поругивала, потому что только соберёт в горсти, а они опять уже выскользнули – «Гавнуки! Идрона Копадь!»

Конечно же, учительница не могла такой сложный «мат» воспроизвести. Причём ученица ведь ещё и огрызнулась: «Я же не на Вас!..»

Да, это был какой-то тревожный симптом. Надо было что-то менять. Придумывать. Решать. Может, даже с ущербом для себя. Но с пользой для дочки. Которая, и правда, что-то стала совсем выпрягаться. Такая памятливая, она вдруг подозрительно «не могла» запомнить ни одного стишка. В тетрадках всё у неё получалось вкривь и вкось.

Однажды тётушка попыталась установить с племянницей душевный контакт. Во время вечернего чаепития, незадолго до сна, привлекла к себе девочку и очень ласковым голосом попросила: «Ну, хоть бы раз, крапивка моя, ты порадовала нас с бабушкой пятёрочкой!» – «Щас порадую! Читайте! – она развернула тетрадку по чистописанию – Вот вам двойка – за палочки! Вот вам двойка – за петельки! Вот вам кол – за крючки! Считать умеете? – ведь пять же! Пять! Чего вам ещё от меня надо!» Швырнула под кровать тетрадку и с головой бросилась под одеяло. У тётушки от беспомощности и восхищения слёзы выступили из глаз. Ну что с ней делать, ну как с ней пособиться?!

Глава 35

ПОЖАЛЕЛА БЫ НАШИ ЧЕРНИЛА!

И вот опять рисование. Задание было: «Мои фантазии». Ребята рисовали кто что: мальчики – танк со звездой и флагом на башне, стреляющую пушку или падающий самолёт со свастикой; девочки – облака, солнышко, радугу, санитарку с красным крестом на сумке... У кого уж как получилось. В Надиной тетрадке красовался чернильный отпечаток её ладошки. «Издеваешься, да? А ну-ка пойдём сейчас же к директору», – разгневалась учительница. Директора не было, и девочка с её тетрадкой предстала перед завучем. Елизавета Петровна вела математику в старших классах, и сейчас у неё было «окно» – промежуток между её уроками.

Возле книжного шкафа стояла незнакомая женщина. Она была высокая, худая и тонкая, как доска. Плоским казалось её грустное лицо, вместе с тем необыкновенной милоты, будто согретаемое внутренним светом. Они о чём-то важном для обеих беседовали. Елизавета Петровна пронзила вошедших насмешливым взглядом, фыркнула: «Что это, у нас уже первоклассников к директору таскать начали?!»

«Ну, не в какие же ворота не лезет! – отстаивая свою позицию, учительница стала трясти злополучным листком с чернильной ладошкой, – полюбуйте, какие у нас «фантазии»! Не облака, не цветы, не радуга – как у нормальных девочек, а перепачканная чернилами пятерня, сплошная антисанитария!»

«И что скажешь, Надежда?» – завуч крайне заинтересованно смотрела на дочку своей коллеги.

Неожиданно стоявшая в сторонке незнакомая женщина протянула руку за тетрадкой: «Если позволите... по-моему человеческая ладонь – простор для фантазии, в ней весь мир – это же целая Вселенная!»

«Давайте, коллеги, отпустим уже ученицу на перемену, и пусть наш дальнейший разговор будет конфиденциальным», – завуч не дала развиваться потенциальной экзекуции.

(На следующий день к первоклассникам пришла новая учительница, та самая, которая нашла другие слова о Надиной чернильной «фантазии». Её звали Мария Никанорова. Её предшественницу, к общему удовлетворению, а главное – её собственному, взяли на освободившееся место заведующей избой-читальней).

Надя вышла из учительской и тут же встретила с техничкой, тётей Фузой. Та поманила девочку за собой в кубовую, где кипятили воду на чай и разводили чернила. Тётя Фуза держала их в большущей бутылке и самолично каждое утро пополняла в классах чернильницы.

– Я слышала, Надежда, ты тратишь наши дорогие химические чернила не по назначению? Покажи-ка ладонь! Жуть! Что если каждый ученик займётся себе такие перчатки творить: да ведь чернил не напасёшься! Ты столько чернил извела, что в тетрадке можно было бы целый год писать! – вид у Фузы был грозный.

– Да нет, я немножко издержала... Я больше не буду... Честное слово!

– Ну, смотри мне, Надежда, я твоему честному слову поверила. А теперь давай-ка твою работающую ладонь в порядок приведём, – Фуза налила в таз горячей воды, взяла вехотку и мыло: «Ух как я щас тебя намылю!» Ладонь стала красной, чернила были уже едва заметны. Девочка облегчённо вздохнула, схватила свою тетрадку и поскакала в класс, не доскакала и повернула обратно в кубовую: «Спасибо большое, тётя Фуза!»

Глава 36

ЧЕРНИЛЬНЫЙ ПРИВЕТИК

Отцу «дали» семь лет. Отправили на Колыму. Когда в семье узнали адрес, сразу взялись собирать посылку. Первое дело – Мария Ермолаевна собственными руками мелко посекала в деревянном корытце табачок –

самосад, духовитый и жуть какой забористый, пока рубила, исчихалась вусмерть. Сестра сшила кiset из зелёного атласа от подкладки старого пальто и вышила жёлтыми нитками петуха и солнышко. Жена и дочь – насушили сухарей. На тот же табак выменяли носки из овечьей шерсти, купили вскладчину рукавицы-шубёнки. Да ещё бабушка доверила внучке отобрать самых крупных и мясистых, навяленных в запас на зиму ранеток – для компота и так погрызть. Ранетки хранились в большом берестяном туесе, в той же казёнке, и, чтобы у внучки не было соблазна тайноядения, разрешила полакомиться, а заодно и всех маленько полакомить – положить на тарелку на каждого по три плода. К слову, два ранеточных деревца были посажены дедом Самойлой Павловичем в первую весну по возвращении с молодой женой и старшим сыном, из Владивостока. Так что посылка сама по себе была приветом родного дома. Уповали – только бы дошла, только бы хоть что-то адресату досталось.

Когда всё ладно и плотно уложили в ящик и потрясли как следует, чтобы ничего не болталось, и осталось только забить крышку, спохватились: самое-то важное, что трепетно каждый заключённый ждёт, – *письмо!* – забыли. Стали на тетрадной обложке писать каждый свой кусочек по старшинству: мать, сестра, жена... Внучка обособилась сразу: «Я своё! Я сама! Я своё – отдельно!» Старшие переглянулись. Бабушка на полу-улыбке сказала: «Да уж неси скорей свою знаменитую грамотку...»

Маме, приехавшей на очередной выходной из Кургана, труда не составило узнать историю чернильной фантазии. Секрет лежал на поверхности и имел давность в несколько лет. Едва дочка родилась, счастливый отец примчался самолично удостовериться, подержать на руках, поцеловать своё сокровище. Тёща категорически отвела протянутые ручищи, а насчёт поцелуев заметила, что таких крох можно целовать только в ладошку или пяточку. Так и повелось, что папа Котик всегда целовал дочку только в ладошку. А мама в письма свои ему на фронт каждые полгода вкладывала листочек с обведённой карандашом дочуркиной ладошкой – чтобы видел, как дитя растёт. А сам как-то прислал в своем солдатском треугольнике засохший и плоский цветок подснежника – «для вас, мои девочки, целую ваши ручки».

Глава 37 МОЛИТЬСЯ НАМ ТЕПЕРЬ ДО СКОНЧАНИЯ ВЕКА

Посылка была обшита мешковиной, написаны адреса и заполнен приготовленный заранее бланк. На почту идти было уже поздно. Мария Ермолаевна позвала сноху в маленькую комнату, где когда-то спали её младшие, Гоша и Лёнька.

Сели у низенького круглого столика, покрытого кружевной сине-чёрной скатертью. Посредине него стоял невеликий горшок с изобильно цветущей фуксией. Свекровь сдвинула садинку в сторону, чтобы не заслоняла собеседницу:

– Расскажи ты мне, наконец, сношенька, с толком-расстановкой, что там в вашем Кургане произошло?

Евгения ждала этого разговора, этого вопроса, и всё же он застал её врасплох. Долго молчала.

Свекровь сидела прямая и плоская, как прялка. Терпеливо ждала. Ответ получила короткий:

– Нечего и рассказать, мама. Свидетелей не было. Что в суде говорили, всё с признания самого Константина. Выпили. Начали из-за чего-то ругаться. Дошло до драки. Вроде расцепились, пошли по домам... Но тот вернулся, увязался за Костей и заводил его почти до самого дома. А у соседей покосившиеся ворота колом подпирались, Костя схватил тот кол и отмахнулся не шутя... Вот тебе и семь лет!..

– Они что, приятели были? Домой его приводил? Не могла их дружбу оборвать?..

– И в доме у нас не бывал, не видела его ни разу и даже не поминал о нём Котя никогда... Не то что дружба какая-то.

– Что, у того дети остались?..

– Девочка, подросток.

– Да-а, значит, молиться мне теперь до скончания века... И тебе, сношенька, тоже... Мужики, когда в раж входят, о потомках не думают... Себя-то не помнят... Да уж, беда придёт – на кривой козе не объедешь... Вот трое их, ребят, у меня росли, и все разные: Лёнька – задирихин, Гошенька – замирихин, а Костюшка – неспустихин, сам никогда первый не начнёт и долго терпеть может, ну уж

потом – удержу нет. Чем-то крепко зацепил его и долго травил *тот бес...* Но дали же вам последнюю свиданку, не могла расспросить-то...

– И при прощании тоже ничего не сказал... Да и что бы это изменило, мама?!

Глава 38

В ВОСТОРГ НЕ ПРИШЛИ, НО... СМИРИЛИСЬ

Евгения без особых затруднений стала называть Марию Ермолаевну мамой: с младых ногтей воспитывалась она то у бабушки с дедушкой, то жила у дядюшки с тётушкой. Очень ревновала младшая, сводная, сестра: что-то где-то краем уха услышала и вообразила, что это она, бедная больная Галинка, это она – «на самом деле» сиротка, приёмш, а рыжая «здоровенная» Женька – им, родителям, родная! Переубедить Галинку было невозможно. Обед всегда начинался с того, чтобы противная Женька пересела на другой стул и не смела выглядывать из-за самовара. Хотя отчим, Никита Григорьевич, военфельдшер, служивший с Александрой Яковлевной во время Гражданской войны в одном лазарете, не обижал падчерицу, приносил одинаковые гостинцы, иногда гладил Женю по рыжей лобастой голове, и всегда родная дочь, Галинка, хмурилась, ловя этот жест.

В новой семье свекровь молодую невестку не стала неволить – «зови, как самой поглянётся», и у той легко слетело с языка «мама». Впрочем, сие не нашло на лице Марии Ермолаевны никакого отражения. Её Костя, первый парень на деревне, отслуживший в армии, поработавший на Магнитке, закончивший школу механизаторов в Катайске, несколько лет гулял с задушевной подругой сестры и соседкой, тоже Анной, и на неё уже смотрели в семье как на «свою». И вдруг на тебе – эта рыжая пигалица, «фершаловых» дочка... «Мамой, видите ли, сразу ты ей заделалась!» – сестра Анна просто разрывалась от досады.

Константин и тёща тоже договорились, как обращаться друг к другу: он её по имени-отчеству, она его – просто по имени. И оба на «вы». Ну, то же и с тестем, само собой.

Родители Евгении скрепя сердце выслушали Самойлу Павловича, явившегося со своим старшим просить её руки.

«Женька, дурочка! Когда ты успела в него влюбиться!» – не могла никак поверить Александра Яковлевна. Оказалось, что сей герой произвёл на девушку неизгладимое впечатление ещё два года тому назад, когда тот же Самойла Павлович привозил сына на телеге, окровавленного и без памяти, противостоявшего целой ораве. Понятно, трезвых там не было. И вот это-то чудо-юдо!.. Да, это и был мой будущий обожаемый папа Котик.

А тогда будущий тесть, Никита Григорьевич, без лишних слов оказал бойцу необходимую помощь и велел приходить на перевязку. Нет, раны и кровь пациента воспринял как само собой разумеющееся, полагал: настоящий мужик и должен через такое пройти, уметь драться, защищать и защищаться. Оба они с Александрой Яковлевной прошли и Первую мировую, и Гражданской хватили: служили: он – военфельдшером, она – операционной сестрой, но на разных фронтах. Лазарет их свёл позднее. Так что кровушки повидали. Но всё же не о таком супруге для своей падчерицы мечтал Никита Григорьевич.

Так что хотя ни со стороны родителей жениха, ни со стороны родителей невесты открытого и резкого протеста не было, но... смирились.

Глава 39

В ГОРЕ ВСЕ МЫ – ВЕРУЮЩИЕ

С родной матерью избежать разговора Евгении тоже невозможно было. Отчим умер задолго до их отъезда в Остер, а то, может, они бы и не поехали на Украину.

– Женюша, ты словно избегаешь меня... Всё к свекрови спешишь.

– Дочка же у меня там, мамуся, и в школе у неё одни происшествия... Уезжать из Кургана сейчас, когда меня из помощниц в провизоры перевели и зарплату побольше дали, вроде нет резона.

– Какая же ты талантливая у меня, девочка! – совсем зелёная была, а всякую премудрость по фармацевтической части у нас с Никитой Григорьевичем хватала. И вот пригодилось как основа профессии...

– А вы знаете, мамочка, признаюсь в плутовстве... Когда мы тут пьесу ставили, где моя героиня что-то должна была по-французски говорить, я латинскими названиями ле-

карств так и сыпала, зрители наши только ахали: какая образованная – по иностранному может... – рассмеялась Евгения.

Александра Яковлевна горько усмехнулась, мол, такой ли была бы твоя судьба, если бы твоего родного отца не расстреляли в 1920-м... И наконец, задала вопрос, который всё не решалась задать:

– Так что же произошло, доченька... что натворил твой Костя? Он же зрелый, умный мужчина, войну прошёл, знает цену жизни, радовался, что тяжёлые гаубицы своим тягачом таскал, но упас Господь – своими руками никого за всю войну не убил...

– Не знаю, мамочка, не знаю! Ничего он мне не рассказал!.. Жалею, что сразу не расспросила. Понимаете, мы только обосновались в Кургане, с жильём и работой устроилось... И вот в тот радостный день выходим из универмага, ну знаете, который в церкви у Тобола. Втроём, Надюшку за руки подхватили повыше, и она от восторга вопит: «Полетели-полетели-летим!» А сзади такой, прямо какой-то мерзопакостнейший голос: «Ну, летите-летите, голуби, где сядете!» И Константин нам: «Не оглядываться! Побежали-побежали, кто первый до угла!»... Потом стал приходиться с работы всё как бы пасмурный... И только уверял, что всё прекрасно, просто забот по гаражу много, техника старая, запчастей не хватает...

– Сколько сирот осталось?

– Одна девочка, постарше Надюшки... Светлана...

– Вот горькие труды отцу Александру в Остре привалили – чужие грехи отмаливать!.. Да и нам с тобой, доченька...

– Да я же не крещёная, мамочка! И не верующая!

– В горе все мы верующие делаемся...

– А о чём молиться? Что просить у Бога? – ведь всё уже совершилось...

– Душа сама знает. Проси Господа, чтобы помог мужу твоему Божий свет в душе сохранить.

– Мамочка, ну о чём вы! Какой Божий свет в душе убийцы?!.

– Не смей так!.. Константин тебе не убийца, Евгения! – он раз и навсегда – твой муж, и в горе, и в радости, и отец твоего ребёнка!.. Вот, родная, и молись, чтобы сохранился в нём человек, подобие Божие...

Глава 40. Отступление ОЛЬГИНСКАЯ ОБЩИНА

«Есть у меня иконочка маленькая, бумажная, она со мной со школьной скамьи, когда ещё училась в Самарской общине сестер милосердия Красного Креста. Община эта создана была под покровительство великой императрицы Марии Федоровны и называлась Ольгинской в честь царской дочери Ольги Николаевны. Готовили нас для госпиталей и лазаретов... Так я «докатилась» до Елизаветинского госпиталя в Царском селе, где лечили сестер милосердия, пострадавших на фронтах Первой мировой войны и награжденных Георгиевскими крестами. Так что мать твоя – Георгиевский кавалер-девица. А на иконке той, цены ей нет, Иисус Христос беседует с Самарянкой, предлагая взамен простой колодезной – живую воду! После смерти моей возьми её себе, доченька.

– Мамочка, о какой вы смерти! Вы у меня ещё такая молодая!

– Молодая... А шрамище на голове щупала?

– Что Галинка пишет, мамочка? Как она?

– Живёт со своим Андрейкой, как она его зовёт, в военном городке, в Мурманске. Учится заочно на экономиста, обшивает офицерских жён... Храбрый портняжка... С её дыхалкой – и Мурманск... Уже намекает, как бы к маме под крылышко...

– Вот и я, мамусь, наверное, вернусь в Раскатику, буду учиться заочно в Куртамыше, в педагогическом – нет мне покоя оттого, что девочка моя и так страдает без любимого отца, да вот теперь ещё и без матери... А вы знаете, мамочка, вот малявка-то моя как раз и молится...

– Что-о?. Я её молитвам не учила и Галя, крёстная, – тоже нет... И она в самом деле молитвы знает?

– Да не знает она ничего. А с первого дня, как узнала про отца... упала лицом на подушку с неотстирывающимися следами его крови на наволочке, лежит, крестообразно раскинула ручки и крепко-крепко её обнимает... И сквозь подушку требует: «Уйди! Не мешай! Я молюсь!» Ну, оставила её одну. Потом спрашиваю: «И где же ты видела, чтобы так молились?»

«На кладбище, – говорит, – мы с бабой Маней ходили... И в Остре, там за церковью могилки были. И старушки прихо-

дят, падают на могилки и плачут, и молятся». – «А ты как молишься, если молитв не знаешь»? – «И что же! – Я свои слова говорю... Не скажу, какие. Свою молитву нельзя никому говорить. И тебе не скажу – ты же не Бог».

Глава 41

КРАСОТА – СТРАШНАЯ СИЛА

И потекли для женщин моей семьи семь лет ожидания, молитвенных вздохов, слёз упования, невидимых миру страданий.

Мама вернулась в Раскатику и опять, как не возблагодарить провидение: уехала, кажется, выйдя замуж, учительница третьего класса, и его передали маме. Душа моя пребывала в комфорте – мама же рядом, школьных проблем как не бывало, и даже бабушка Мария Ермолаевна отметила: «Смотри-ка ты, девчонка-то совсем другая стала...»

Ничего сколько-нибудь украшающего аскетический интерьер нашей с мамой комнаты не было. В тот день, провожая меня после уроков, мама дала мне тугой рулончик. «Плакат или картинка?!» – обрадовалась я, представив, как сейчас приду домой и буду любоваться. Домой я пришла не одна, а с подружкой Галей Малаховой.

В рулончике был портрет Сталина, с трубкой в руке. Ну, очень красивый. У нас даже дыхание от восторга перехватило. Мы устроили портрет в простенке между окнами. Получилось замечательно. Но хотелось какой-то дополнительной красоты.

Мы трудились в поте лица. Кружка молока и горбушка хлеба прибавили нам сил. Вдохновила припасённая для изготовления новогодних игрушек цветная бумага. Наши колечки, такие яркие и ровненькие, казались нам чудом совершенства. За окнами быстро темнело. Надо было идти задать нашей, подаренной бабушкой, тёлочке корма и тёплой воды. Но мы хотели сделать маме подарок и спешили управиться до её возвращения. Осталось украсить портрет гирляндой. Всё! – управились.

Мама тоже пришла не одна, а с Елизаветой Петровной. У нас уже зажжена лампа, прекрасно освещена наша работа. Мы жаждали похвалы.

Елизавета Петровна ахнула, вскричала маме: «Евгения!

Ты что ли их надоумила?!» Мы с Галей стояли, как две расстрёпанные куклы. Руки в стороны, волосы дыбором... В глазах изумление и протест. За что?! – мы так чудесно всё сделали. Так сразу празднично и весело стало.

Елизавета Петровна мгновенно прекратила эту немую сцену. Подбежала к портрету и мановением руки сорвала прикреплённое по периметру портрета восхитительное же (!) украшение. Открыла заслонку в печи и подбросила поближе к загнетке наши труды, не глядя нашарила в печурке спички, запалила.

Миг-другой, и о прошедшем напоминала только кучка пепла. Она ещё шевелилась, вздрагивала, вот по ней пропорхнул последний огонёк. Елизавета Петровна перевела дух.

Я посмотрела на маму. Мне казалось, из её огромных синих глаз сыпались искры – страха или смеха...

«Погоди-ка, что это? – Елизавета Петровна заметила маленький белый квадратик бумаги, скромно прилепившийся в нижнем правом уголку плаката. Уцелел как-то. Срывать не стала, а наклонившись пониже, выразительно продекларировала: «Сталин с трубкой в руках думает о всех людях». Состроила гримасу: «Она у тебя ещё и «поэтЕсса»!.. Вот «поэтЕсс» нам в нашей Раскатице только и не хватало!»

Тут мама уже просто смеялась: «По этому прекрасному поводу пойдёмте кормить нашу Зорьку!» Та очень кстати возмущённо замычала в своей стайке.

Глава 42

БЕГЛОГО ИЩУТ

Техничка ходила в магазин за мылом и вернулась с дикой новостью: из какой-то дальней зоны сбежал опасный заключённый, его ищут и просят население быть бдительными и помочь в поимке. Через день новость приросла подробностью: у беглеца обморожены ноги, и он весь оборванный. В какой-то деревне он пробрался в школу, такая же техничка после уроков зашла в класс убираться, а он лежит у печки, спиной к ней прижался... Техничка перепугалась, побежала звать народ, а школу-то, обалдев от страха, забыла закрыть. Народ собрала, а беглого-то и нет. Стали над ней смеяться, что померещилось... Смеялись, и каждого холодным потом прошибало...

**Самарская община сестер милосердия Красного креста
(Ольгинская), где училась мамина мама,
Александра Яковлевна Шарлова,
сестра милосердия в Первую мировую войну**

**Моя молоденькая мама
Евгения Никитична
со своим чадом**

Мама и я (конец 1945 г.)

**Бабушка Александра Яковлевна с дочерьми
Евгенией, Галиной и внучкой Надей**

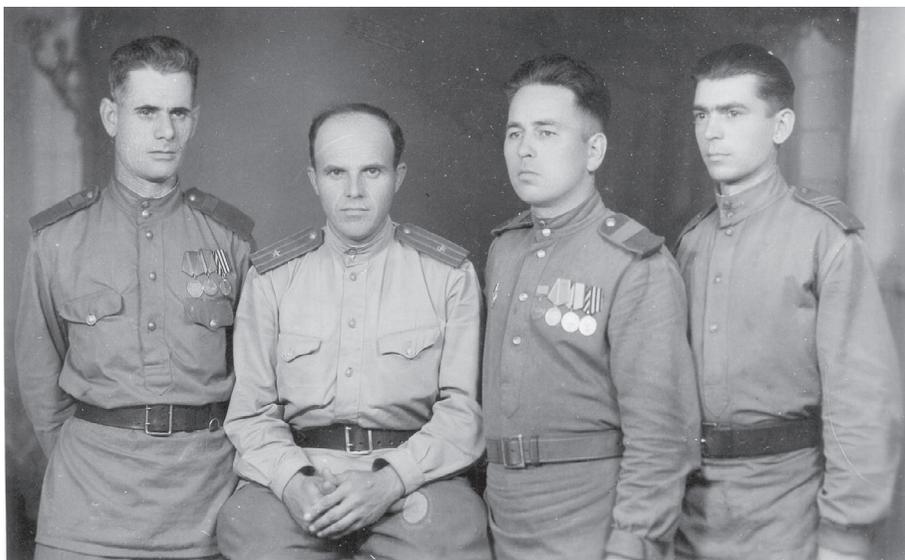
Отец - солдат, крайний справа в верхнем ряду

**Бабушка Мария Ермолаевна со своими детьми:
рядом с ней Анна и Константин, стоят Леонид и Георгий**

**После ранения водил летучку с кинопередвижкой.
Отец – крайний слева**

В конце войны. С однополчанами (второй справа)7

Площадь с Раскатихи. Мемориал воинам

*Леонид – танкист.
Эстония. 1946 г. Еще служит

Мемориал в центре с. Раскатиха

Учителя Раскатихинской школы (мама – крайняя слева в первом ряду, тётя Аня – крайняя справа в этом же ряду, 1946-48 гг)

С. Раскатиха, 1949 год, 4-й класс. Я вторая слева в последнем ряду. В классе 8 ребят из блокадного Ленинграда: Вася Осинцев, Люба Охохонина, Шура Карагужева, Толя Найданов. Володя Обласов, Галя Винокурова, Нина Жунина, Надя Акимова. Учительница Мария Никаноровна Иванова.

Здесь зэков не охраняли – куда бежать?..

Мама со своими третьеклассниками

Брат Александр с дочерью Ниной и женой Ольгой. Ясная Поляна

Вот такая память...

**Отец – 3-й помощник
механика
на ледокольном пароходе
«Александр Невский»**

Папа и мама. 1955 г.

Мама, бабушка Мария Ермолаевна и тетя Аня обсуждали, наверное, именно это ЧП, потому что едва я переступила порог, вернувшись с прогулки, они переглянулись с округлившимися глазами и как-то враз умолкли. А новость эту знала уже вся деревня. На улице ко мне подошёл старший брат моей подружки и сказал: «Поди, беглый-то – твой отец, Натка, домой пробирается...»

Меня быстренько накормили и отправили спать. Еле дождалась я, когда мама придёт в нашу «комнату».

– Не спишь, чадушко?

– Я знаю, мне Галин братко сказал...

Мы лежали, тесно прижавшись друг к другу и словно не могли согреться, обеих как бы потрясывало.

– Доченька, а если это папа?.. Ведь мы должны о нём сообщить... Как ты думаешь?..

– Нет-нет, мамуся! Нет! И зачем ему бежать!.. Ты видела, какой он на фотографии?! В машинном отделении!.. Помощник механика! Он денежки нам зарабатывает... Чего ему бежать?..

Через годы мама рассказала мне, как заставили её опомниться мои слова, а то она «от ужаса совсем голову потеряла»! А тогда, ночью, мы вскочили, зажгли лампу, разложили на столе фотографии и письма, стали как в первый раз рассматривать и перечитывать, корявым почерком написанные четвертушки листочков. На маленьких, не более игральной карты, фотографиях (сегодня они пожелтели и потускнели): виды бухты Амбарчик, порта Певек, реки Колымы, по которой ледокольный пароход «Александр Невский» тянет за собой две баржи. И пароход был *гулаговский*, и обслуживал он лагеря, и работали на нём не только «вольняшки», а вот и отец мой, зэк, с уголовной статьей, что тянула на семь лет строгого режима – а уж куда строже, однажды затерло во льдах – до весны сидели. Какой побег – льды хлеще самых лютых псов сторожили. И фотографии отца – и в тельняшке, и в морской форме, и за столом – обнимает руками пушистые меховые клубочки ещё слепеньких – щенков общей любимицы Альфы. С собой отец привёз и все наши письма, и пять моих обведённых ладошек, и немислимую мою былинку – «Об умелом механике, капитана помощнике».

Глава 43

СКОКОМ-БОКОМ НЕНАРОКОМ

Но насколько неожиданно удачно складывались дела у отца там, где ничего хорошего ждать было невозможно, настолько претерпевала всяки-разны безобразны беды, пребывая в родном доме, в заботе и любви, его дочка. На бедную преткновеня катились волной. Крупозное воспаление легких, фурункулез, коклюш, трахома, наконец – тройной перелом левой руки, когда уже вроде со всеми болячками справились ...

У бабушки Марии Ермолаевны была добрая приятельница и дальняя родственница по мужу, Марина Степановна Поздина, изредка они навещали друг друга. Поставят самоварчик, пару яичек в том же самоваре в марлице сварят, в вазочке – горка кофейной карамели «каштан» – с одной конфеткой три большие чашки могут выпить. Марина Степановна не уставала слушать рассказы Марии Ермолаевны о том, как их, крестьян Тверской губернии, «через весь белый свет и Красное море» везли на Дальний Восток; как ей, молоденькой девушке, Марии Калининой, почти ребёнку, повезло. Её взяла в дом добрая, умная госпожа ухаживать за ребёнком и много чему хорошему научила. И как повезло с замужеством – за Константином было ей, как за каменной стеной, никакой ни о чём заботы, и интересно с ним было. У Константина друг был, служил на корабле коком, и вот как-то, когда долго в порту стояли, пригласил на корабль в гости. И они с Самошей, нарядные, со своим первенцем Котиком, поднимались по трапу, ходили по палубам, осматривали помещения, посмотрели на капитанскую рубку, заходили на камбуз и пили в каюте кока кофей со сливками...

И вот в одно из таких бабушкиных гостеваний пришла и ко мне гостья – подружка Галя Малахова, она жила через дорогу. Её отец Арсентий дружил с моим отцом и погиб на фронте. Галина бабушка, Анна Ивановна, была приглашена в тот день на чашку чая. Три подружки-немолодушки мирно беседовали себе в горнице за самоваром, а две юные подружки-попрыгушки носились друг за другом в кухне вокруг стола, заскакивая на лавки, спрыгивая и опять заскакивая. Я, видимо, не совсем окрепшая от своих болячек, оскользнулась и с размаху хлопнулась плечом на пол. Получился

перелом ключицы, лучевой кости и запястья. Ну как не признать, что мой Ангел-хранитель всё же пас меня. Именно в этот момент пришла мама и увидела своё чадо с повисшей рукой, страдальчески искажённым личиком, а в глазах стояли не смевающие пролиться слезы. Провидением было и то, что скоренько подбежала бабушка Александра Яковлевна: всяких косточек довелось ей сложить немало в своё время раненым солдатикам, так что управилась с бедой в лучшем виде. Сложила ручку в лубок, и поехали мы с мамой и санитаркой Онисьей Егоровной Сухогузовой в районную больницу. На резвой лошадке, которую велел дать председатель колхоза, бывший фронтовик, он же директор нашей семилетки, Григорий Никитич Ксенофонтов, довольно споро преодолев 15 км, оказались перед врачом Михаилом Федоровичем Савченко. Он сказал: «Оказия получается: надо найти хоть пару поленьев – чтобы развести огонь и согреть воды для гипса». Отправилась наша тетя Оня промышлять по околотку и-таки утянула из чьей-то поленицы пару полешков. Врач восхитился искусством того, кто складывал мои поломанные косточки! Ещё бы, Георгиевские кавалеры веников не вяжут.

(Как бы там ни было, но к моим 13-ти годам я была вполне здорова, не слабее ровесников. Только мама и бабушка Александра Яковлевна помнили о моих хворобах, а бабушка Мария Ермолаевна про себя дивилась – надо же, сколько раз девчонка совсем не жилец была!)

Глава 44

ЖВАЧКА СМЕРТЕЛЬНОЙ ХВАТКИ

У меня были густые упругие волосы, и я мечтала о косичках. Но после того, как я один день похोдивши в колхозные ясельки... Вечером пришли домой, а я как запустила ручки в волосы, так и вынуть их не могла. «Что это ты исчесалась вся, Натуська?» – «Комолы кусаются», – тоном специалиста ответила я. «Комолы» оказались вошками. Как оперативно освоили они свежий объект!.. Педикулёз разгуливал в ту пору весьма привольно, и мне оставляла мама только чубчик. Тут в борьбе с педикулёзом дело продвинулось, у меня образовалась роскошная чёлка. Начался процесс отращивания косичек. Я то и дело ерошила и тянула свою рыжеватую гривку.

Это теперь купить самую фантастическую жвачку – не проблема. А тогда вожделенным предметом был чёрный берёзовый жвак. Технологией его варки из берёсты в деревнях Зауралья владели отлично. И мне как-то подфартило: откусил от своего комка Галинкин брат Володя. Он даже научил меня, как надо жвачку правильно жевать, чтобы она лихо пощёлкивала. У жвачки был приятный запах берёзового дымка, она чудесно очищала зубы и заглушала голод.

Мы сели с мамой ужинать, а я всё не начинала есть, смачно гоняя жвачку во рту и пощёлкивая чёрными пузырьками, как научил меня Володя. «Фи, Надя, фи! – сказала мама, – как это вульгарно!» – «Зато – гарно!» – захохотала я. «Не остроумничай, хохляндия!» – с улыбкой сказала мама – ей нравилось, что я вставляла время от времени украинские слова. Она быстро схватила в Остре украинскую мову, привезла с собой в Раскатику немало украинских народных песен, не чинясь, пела их по просьбе коллег на учительских посиделках.

Я выложила сверкающий антрацитом комочек в смазанную маслом розетку. Мы приступили к моей любимой картовнице (то есть картофельной-картовной) запеканке. После ужина мама стала проверять тетрадки.

Домашнее задание я выполнила до её прихода, поэтому с чистой совестью, прихватив обожаемого Заю и принесённый мамой журнал «Мурзилка», и, конечно, засунув за щёку жвачку, отправилась на кровать.

– У меня есть такое предчувствие, что ты заснёшь, Надюня, с этой жвачкой, – посмотрела на меня, оторвавшись от работы мама.

– Ну что ты, мамишна, заранее мне ворожишь?!

– А ты знаешь, как цыган своего цыганёнка за водкой посылает?

– Знаю! Сначала ремнём выпорот. Потому что, какой прок потом пороть, когда бутылка уже разбита!

– Кто с тобой такой мудростью поделился?

– Папа Котик.

– Не присочиняешь ли ты, донька? Не посылал же он тебя никогда за бутылкой!.. Чтобы ты не залепила во сне эту жвачку в свою гриву, я не буду пороть тебя заранее. Но – предупреждаю: остригу, как новобранца – наголо! – если что...

Я захохотала очень весело – что ж я, дура, чтобы сама в свои волосы жвачку закатывать.

И-таки закатала. Да ещё и к подушке прилепилась. Утром мама, когда я немилосердно пыталась продвинуть гребешок сквозь жуткие колтуны, показала мне машинку, мол, сия участь неизбежна. Раздались мои закладывающие уши вопли: «Мамишна! Наколдовала! Не дамся! Вот ты будешь спать, я тебе тоже в твои рыжие косы жвак закатаю и встречай потом папу Котика – лысая!» Со своей половины на эти отчаянные причитания поспешили бабушка Мария Ермолаевна и тетя Аня. Бабушка возмутилась: «Да что это такое ты с ней творишь!» А тётушка призывно распахнула свои объятия: «Беги ко мне, крапивка моя, я тебя пожалею!»

Мама спокойно сказала: «Ведите её к себе и попробуйте расчесать сами эту крапивку».

Троица удалилась на бабушкину половину. Через час вернулась «крапивка» в сопровождении тёти Ани. Та, хлопая себя по бокам, с жаром доложила: «Ну, уж я прямо и не знаю, как мы старались разобрать все эти колтуночки! Вычесать не удаётся. Аккуратненько так выстригали. Всё же...»

– Если «крапивку» такой причесон устраивает, то и вперед – за власть Советов! Но если бы я оказалась в таком положении, как эта девочка, тем более что у этой девочки правильная красивая «черепушка», не какой-либо там долихоцефал, и ей подходит спортивная мальчишеская стрижка... Разумеется, из двух зол выбрала бы наименьшее... То есть ту прическу, которая без плешинок.

«Крапивка» пробурчала: «Стриги уж тогда».

Глава 45

ПАПА КОТИК ВЕРНУЛСЯ

Отец вернулся в середине мая 1952-го. Был погожий вечер. Мальчишки и девчонки носились ватагой с тополевыми ветками в погоне за майскими жуками – тьма-тьмущая их летала. Одним махом можно было сбить в траву сразу несколько. Поймав, сажали в спичечный коробок и слушали – «радио»! Вдруг кто-то крикнул: «Натка, твой отец приехал!»

Отец шёл в окружении односельчан – взрослых и ребят – смущённый и радостный, и недовольный: ну что это, будто фронтовика, будто с фронта какого!.. (А что, там, на Колыме, и был фронт. Для всех и каждого. Невзирая на статус. И людские потери не меньше. Только линия фронта была незримой, потому что проходила – в душе).

Я была в бессильной ярости, почти впала в неистовство, рыдала, как безумная: это я, я должна была первой узнать и встречать его! Это я должна была сообщить маме эту весть – первой! Никто меня не жалел и не утешал. И не понимал. Даже мама. Поставили им с папой Котиком кровать в отдельной «ребячьей» комнате, и они обо мне даже не вспомнили, никто не пожелал мне спокойной ночи... Лишь папина сестра, тетя Аня, поманила меня на свою широкую кровать: «Ну, иди ко мне, моя крапивка!» Крапивка забралась на холодную печку, прихватив постаревшего и потяжелевшего за шесть лет любимого кота Заю и укрылась с ним ветхим тулупчиком...

Всё повторилось, как в Остре. Мне понадобилось время, чтобы привыкнуть к новому отцу.

За несколько дней до приезда отца мы похоронили бабушку Александру Яковлевну.

А вскоре все снялись и улетели из родного гнезда, продали родительский дом, отец свои, заработанные «колымские», вложил, и построили в Кургане сами, никого не нанимая, объединёнными усилиями построили большой крестовый дом. Под одной крышей стали жить бабушка Мария Ермолаевна и её дети: дочь Анна и сыновья Константин и Леонид с семьями – у каждого было по дочке и сыночку, ну и жёны, понятно... Дождалась бабушка и правнуков.

Глава 46

РАЗГОВОР У МОГИЛКИ НА СМОЛЕНСКОМ

...И вот на закате уже *моих* дней, когда мы с мамочкой проводили в последний путь нашего папу Котика, сидели мы на скамеечке у его могилки на нашем Смоленском кладбище и, как-то не сговариваясь, потянули за ниточку самых потаённых горестных наших воспоминаний.

– Мама, неужели отец так и не рассказал тебе, как ...

– А вот так, Надюша... вот так, доченька... рассказал...

«Есть мужики, у которых любой разговор сводится к формуле: все бабы – дуры, хотя на примере даже собственной семьи знают, что это, мягко говоря, преувеличение.

И есть мужики, не такие уж редкие, вырожденные, которые просто сатанеют, если кто не соглашается с ними, что все бабы – «давалки по своей подлой природе». Явные или

скрытые, застуканные или ещё не застуканные. Красотки или страхолюдины. Все – без исключения!

Этот, бес-искуситель, был из сатанеющих, при каждом удобном и неудобном случае заводил он свою поганую волюнку. А тут прямо на личное перешёл:

– А ты что воображаешь, что *твоя* не такая, да просто пока тебе не успели доложить, как она тебя здесь ждала... Видел я тут, как она в машину к доктору впорхнула – да ещё для отвода глаз девчонку вашу с собой прихватила...

– Не газуй, парень! Посмотри на себя – всё при тебе: рост, сила, шевелюра как у барана, и руки откуда надо растут... чего тебя так заедает чужое счастье? Зачем ты, паскуда, имя честной женщины мараешь?!

– Не надо стрелку переводить... Я тебе, тебе говорю, что и *твоя* такая же!.. Посмотрите на этого счастливец! Видел я вас и возле универмага: *твоя* – ну и краля! И чтобы за такой да не ухлестывали, такая да устояла!.. А за барана ответишь – понял твой намек...

– Заглуши свою форсунку, поганец, а то я тебе так намекну – до конца жизни будешь помнить!.. Ты хоть понимаешь, что оскорбляешь своей гнусью и мать свою родную, и жену, и сестру, и всех, кто ещё в вашем роду из слабого полу есть. Или для тебя ничего святого нет?!

– Да какого святого – пока вы там, на фронте, брюхом грязь месили, мы здесь ваших баб обрабатывали... Ни одна мне не отказала...

Мне тут и в голову, и в сердце как током ударило, схватил я этого обработчика – сейчас придушу, но вдруг так ясно услышал Надюшкин крик: «Папа Котик, я с тобой!», дал пинка уроду: «Вали, дурак, домой, пока цел!» – и сам тоже направился к дому – от греха подальше... А ретивое прямо клокотало, и уговаривал я себя: только не обращайся. Но этот всё тянулся за мной: «Что, вояка-гвардеец, тонка кишка, за Родину стоял, а за жёнку постоять не можешь? Против шерсти тебе правда-матка...» И что мне оставалось делать, Женька, – я жаждал стереть гадину с лица земли.

– А вот если бы не выпили вы перед тем...

– Да ты, понимаешь, мы как раз и бутылку-то взяли, чтобы мирно поговорить... а вот что вышло!..

– Что же ты ничего не сказал в суде?!

– Сама не догадываешься? Или ты предпочла бы, чтобы

трепали *твое* имя?.. Молва – знаешь её? «Дыма без огня не бывает, уж что-нибудь к хвосту да прилипло», ославят, измарают... Да ещё в газете – даже если всего три строчки напечатают, такой вот пакостник их вырежет и будет возгревать у себя в душонке подлой, чтобы через годы ткнуть в нос выросшим детям... И что изменилось бы, если рассказал в суде! Приговор всё равно остался бы тот же. По-любому *моя* вина – на мне. Слава жены убийцы и ещё худшая – какой-то там «давалки»! Все во мне скукоживалось от одной мысли об этом!

– Котик ты мой Котик, да ведь вся жизнь *моя* у всех на ладони! Какой молвы ты испугался!.. И всегда рядом со мной и нашей дочкой были: в Раскатихе *твоя* мать и сестра, в Остре – *моя* сестра и мать...

– Как была ты наивной девочкой, такой и осталась! Да пойми же ты, наконец: нестерпимо, страшнее смерти было мне услышать в суде имя *твое* рядом с этой напраслиной, да ещё и самому эту срамоту излагать!

– Котья! Что же теперь, убивать каждого, кто непереносимое для нашего слуха говорит?..

Но отец *твой* стоял на своем:

– У мужика в таком случае просто нет выбора, **нет права не драться!**

– Вот такой, доченька, у нас разговор состоялся-таки с твоим отцом под занавес нашего с ним совместного бытия. Пять лет войны плюс шесть с половиной – тюрьмы изъяли у нас лучшее наше время... Вот во что обошёлся нам всем его выбор.

Глава 47

САМАЯ СИЛЬНАЯ МОЛИТВА

Мы обе долгое время молчали.

– Выходит, мам, есть ещё и какие-то другие мужики, кроме женоклянителеей...

– Слава Богу – вся остальная, большая и лучшая часть, мужеска рода. А то бы и род перевёлся.

Когда я думаю об отце, то иначе как чудом не могу назвать то, что ему удалось вырваться из общей массы уголовников в такую важную и ответственную службу – помощником главного механика ледокольного парохода, да ещё с таким славным названием – «Александр Невский»...

– Он не виноват, что Судьба высмотрела его среди прочих, возможно, равных! На войне он из умелого шофера стал автомобилистом-асом, уникальным автомехаником. Да и не потому ли была благосклонна к нему Судьба, что слышала, воспринимала неустанные молитвы четырёх любящих женщин (двух матерей, жены, сестры) и ещё – одной маленькой девочки... Может, теперь-то скажешь, какая у тебя... была молитва?!

– Ой, мамочка!.. Какая там молитва... Одни всхлипы: «Боженька, зачити моего папу Котика!»

Глава 48

ТО ПЕДИКУЛЁЗ, ТО ХУРУНКУЛЁЗ

На исходе учебного года был назначен сбор пионерской дружины. Я была октябрёнком, но и эти юнцы должны были участвовать. После воспаления лёгких меня ещё шатало ветром. Сшитые мне бабушкой Марией впрок, но, понятно, по мерке блузочка и юбка-шестиклинка – для будущего приёма в пионеры – оказались вдруг велики. На сборе был такой момент – отличникам вручались подарки. Из-за многочисленных болячек я много пропустила, и у меня образовалась четвёрка. Вероятно, решили поощрить усилия ребёнка, героически преодолевающего свою хворобу, и мне вручили подарок – книгу Николая Островского «Как закалялась сталь». С красивой надписью и печатью. Учитель литературы в старших классах Иван Николаевич с каким-то значительным выражением лица сказал: «Надежда, эта книга – на вырост. Взрослей, читай, будь нашей гордостью». У «гордости», пока она стояла в этой цепочке награждаемых и слушала напутствия каждому, начали дрожать ослабевшие от многонедельного лежания в постели ноги и сползать ставшая широкой в поясе юбка. Юбку можно было бы прижать локтями, но тут одной рукой надо принять книгу, а другую протянуть для пожатия. Тут-то эта злополучная шестиклинка и соскользнула – до самых коленок.

Школьный коридор, широкий и большой в обычное время, преобразуясь в «актовый зал», делался тесным, уже через полчаса в нём становилось жарко и душно. Уже во время вручения я почувствовала, что начинаю изнутри гореть, а к концу сбора блузочка просто прилипла к спине. Так приятно было, выйдя на улицу, ощутить забирающийся под

пальцецо весенний ветер. «Ах, не надо было тебя вести на этот сбор!» – сказала мама. «Ты шо-о?! – вскинулась я. – Та я ж октябрёнок! И кто бы получил мий подарунок?!»

Дома сразу воткнули мне градусник под мышку. Утром мама заметила, что я почёсываю себя в разных местах. Задрала мою рубашонку.

– Этого только и не доставало!

– Ну шо-о там опять, мам! Вечно ты шо-то накликаешь!

– Воистину! Накликали! Фурункулёз, похоже, начинается!

– То педикулёз... то хурункулёз... шо это хоть такое?! – хурункулёз...

– Вульгарные, обыкновенные чирьи, вот что это такое.

Очень скоро они меня осыпали всю целиком – от щиколоток до шеи. Я лежала нагишом, укрытая одной простынкой.

Бабушка Александра Яковлевна сказала, что это – авитаминоз, дала аптекарские пивные дрожжи в таблетках и средства для обработки язв. Сказала мне: «Держись, сестра Надежда!» – «Ты шо-о, бабушка Саша! Я же тебе внучка!» – еле разлепила я обметанные губы. «Это помирски – внучка. А по вере – мы с тобой сёстры во Христе», – улыбнулась – как солнышко просияло – бабушка. Я вживую вспомнила Остёр, садик при храме отца Александра, его самого и матушку Анну, урчащих пчёл, добравшихся за нектаром в самую сердцевину розы, и даже уловило обоняние моё её райский аромат...

– Батюшка Александр молится за всех и обо всех нас... Ты скоро поправишься.

– И за папу Котика молится?

– Да, да, моя золотая!

Глава 49

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Против маминого ожидания действительно я стала споро преодолевать свой недуг. Но всё ещё ничего не могла надевать и пребывала дома. Мама ушла на педсовет. Мне оставила большую, в медово-жёлтой обложке книгу – «Кладовая солнца», Михаила Пришвина. Про жизнь сироток Настеньки и Митраши... Быстро темнело. Я придвинула к постели табурет, зажгла и поставила на него лампу, пристроилась на те части тела, где чирьи прорвались и зажили, раскрыла книгу и – время остановилась. Я пробира-

лась то по лесу, то по болоту вместе с братом, сестрой и прибившейся к ним умной и самоотверженной собакой Травкой, такой же сироткой, как они.

Возвратясь, мама обезумела от того, что увидела. Дочь сладко спала – после мучительных бессонниц. Книга домиком прислонилась к лампе, и уже попахивало паленой бумагой. С этой уже почти начинающей гореть книгой пошла к свекрови: «Мама! Мы с Анной ушли на педсовет, за стеной валяется больной ребенок... Как не зайти, хоть бы взглянуть, что она, как... Потрогай книгу: ещё бы чуть – и пожар!»

«Сношенька, а то не знаешь этой «крапивки»? С порога наладила меня: «Баба Маня, уходи, терпеть не люблю, когда подглядывают».

* * *

Из огня да в полымя. Как будто зараза бродила за мной по пятам. Следующим был коклюш. Мои подружки уже ходили в лог пробовать первую землянику, а я, как тряпка, висела на заплате, изнемогая от выворачивающего внутренности кашля. Он вытряхивал из меня не только пищу, но выкачивал любую выпитую жидкость... Я превратилась в «паршивого гусёнка», как определила баба Маня.

И вот девочки собираются по ягоды. Любимая подружка Галинка зовёт меня с собой. «А вы меня там бросите?» – полуспрашиваю я. «Не-не! – качает косичками Галя. – Не бойся» – «Да я и не боюсь, я просто так».

Плетусь за девочками. В валенках с галошами, пальтишке и ватный капор на голове. В руке маленькая эмалированная кружечка – наберу для мамы.

Девочки приноравливаются к моему шагу. Оглядываются и ждут, если я отстаю. В логу то одна, то другая зовёт: «Натка, иди сюда! Здесь целый курешок!»

Первые же земляничинки, крупные, сочные, благоуханные, попавши в мой воспалённый рот и далее прокатываясь по гортани, буквально взрывают во мне неведомый мне самый источник сил. Я топаю и топаю от обобранного курешка к новому курешку, кланяюсь за каждой ягодкой. Вдруг замечаю, что уже несколько раз набирала почти до половинки кружечки – а ягодок нет. Блаженствующее нутро подсказывало, что оно вполне удовлетворено, даже в восторге от поглощённого.

У девочек полны их маленькие корзиночки. Все дружно помогают мне заполнить мою мизерную ёмкость. Перед обратной дорогой сели в кружок на освещённой солнцем куртинке. Солнышко не жжёт, а просеиваясь сквозь резную листву молоденьких берёз, веселит и ласкает. Разнотравье, всяки-разны цветики, пестрота, любота, духовитость. Влажный воздух прогревается постепенно, покачивается, и всё делается призрачным. Теперь уже не собирают, просто пасутся девочки, лежа в траве, выбирая вокруг себя случайные ягодки. Поднимаемся домой. Я уже не тащусь последней, а вышагиваю в своих валенках вполне бодро. Мама, встревоженная, встречает в воротах. Я протягиваю ей кружечку: «Я тебе землянички, мамусь!» А на дне кружки как есть – три ягодки! Я плачу: «Ой, я не заметила... Как съела!.. Честное слово, она была полной!» Мама прижимает меня к себе, тискает, снимает дурацкий капор, целует потную стриженую голову: «Ура!Ура! Выздоровила сама себя моя донька! Слава Тебе, Боже, слава Тебе!»

Глава 50

ГАЛИНА ЛУКИЧНА, или ВСЕМОГУЩИЙ РЕМОЖНИК

Если Галинку спрашивали, как её зовут, она непременно присовокупляла и отчество: Галина Лукична. Мало ли ещё какие Галинки-малинки есть. Ведь только в нашем околотке жили ещё Галя Малахова и Галя Боброва.

Галина Лукична была моложе меня на год и училась в маминном классе. На Галю всегда весело было смотреть. Чудные ямочки на щеках, в круглых серых глазах как бы пританцовывали искорки, надо лбом закручивался пепельный вихорок.

Зима опять удалась отменно суровой. Печи в школе топили от души, в больших и высоких классных комнатах, при больших окнах была вполне приемлемая атмосфера, уж в чернильницах на партах чернила не замерзали – это точно. И всё же с коротенькими рукавчиками никто не ходил. А тут Галина Лукична просто изумила всех: явилась в тонюсеньком летнем платьице, рукавчик коротенький фонариком, вырез ворота каре – вроде на речку загорать собралась. И сидит себе улыбается – такая лапочка, тонкие ручки на парте впереди себя колодчиком сложила, на учительницу прилежно смотрит.

Мама сразу поняла, в чём дело:

– Галина Лукична сегодня в обнове, такая красивая – давайте поздравим её с обновкой, ребята. – Все весело зашлёпали в ладошки.

На гусиной шейке Галины Лукичны была ярко-голубая узенькая ленточка, повязанная хилым маленьким бантиком. Такого украшения не было ни у кого.

– Ну, все посмотрели и порадовались, а теперь попрошу Галину Лукичну сходить в кубовую за красным кусочком мела и заодно накинуть на себя шалку. А на перемене Галина Лукична расскажет нам, кто ей подарил такую восхитительную голубую ленточку.

Галина Лукична лихо хлопнула откидной крышкой парты и понеслась к дверям, успев прокричать:

– Да никто не дарил! У реможника выменяла!

Это, может, в других деревнях людей этого ремесла тряпичниками, старьевщиками звали или ещё как, а в нашей Раскатихе искони – реможник, собиратель прежде всего всякого ветхого ремья – ремков. Про плохо одетого, «бомжеватого» человека говаривали: «Ну прямо – рям за рям». Война здорово подкузьмила реможников, сдавать-то народу особенно и нечего было, донашивали до невозможности... Но ребяташки всё равно сбегались к телеге реможника – хоть поглазеть. Всякая мелочь казалась необыкновенно завлекательной, вожделенной. Ярко расписанные деревянные и глиняные зелёные свистульки, шкатулочки, сундучки, ленточки, кружавчики, нитки мулине, мячики резиновые и серсо, перочинные ножички, ножницы, точилки для карандашей, переводные картинки, маленькие брусочки духовитого земляничного мыла, бусики, пуговицы, куколки... Любого мог осчастливить могущественный реможник. Но редко кто находил у себя дома эквивалент заветной пустяковинке. Бабушка Мария Ермолаевна мне определённо сказала: «Нечего ходить – глаза продавать». Я и не ходила. А у Галины Лукичны дома днём никого не было. Мама, Александра Степановна, пастушила. Она превосходно, кстати, знала своё дело. Коровок вечером пригоняла с полным выменем, сытых, довольных. Старшая сестра Галины Лукичны, Фрося, тоже никогда без дела не сидела; да и средний брат, Митька, не шалопайничал.

И вот припала Галина Лукична к возку реможника, глазки горят, то потрогает, это пощупает, за тем тянется...

– Ну чего высмотрела, красавица?! – спрашивает реможник, зорко приглядывая за ребятней.

– Вот!!! – тычет пальчиком Галина Лукична в голубую ленточку.

– Тады неси чо-нито! – строго говорит реможник.

– А чо?! – пылко интересуется потенциальная хозяйка голубого сокровища.

– Ну, я не знаю-не ведаю, какие там есть у вас богатства... Ты полазай-кось, пошарь в кладовке ли в подполе. Быть такого не может, что ничего в доме ненужного не было. Обязательно найдётся лишняя вещь!

– Ага, поняла! Только ты меня жди, дяденька реможник! Я мигом!

Мигом и обернулась Галина Лукична. Вспомнила востроглазая, что есть, есть в их доме лишняя вещь – самовар. Стоит под полом – и хоть бы кто его когда вспомнил, самовар этот, раскочегарил бы и на стол поставил. Он уже зеленеть начал, прямо зацвел весь.

Тяжёлый такой, прижимая самовар к своему впалому животу, еле доволокла Галина Лукична предмет обмена до реможника.

– Ну во-от, – обрадовался тот, поскорее закамуфлировал самовар среди своего товара, а Галине Лукичне отрезал 36 см ленточки и помог завязать бантик. Сам же поскорее наладил свою лошадку по дороге в соседнюю деревню Камышное.

Как бежала Александра Степановна, пытаюсь настигнуть повозку реможника, как голосила!..

– Шура, да чо же ты так убивашься-то!.. Всё равно же в подполе стоял! – успокаивали соседки ревущую в голос женщину. – Да то ли каждая из нас потеряла!

– Ба-абы! Да это ж не самовар, это память была-а!.. Первое наше с Лукой обзаведение!.. Я будто вдругорядь Луку потеряла!

– И чо же ты, милая, эту память так хранила – надо было в красном углу начищенным под кружевной скатёркой держать – Галина твоя Лукична и не посягнула бы... А ты память в подполье держала.

– Да потому и держала – изба целыми днями нараспашку. Самовар с залавка сцапать – минутное дело... Мало их залётных-то по деревням ошивается! Вот – от чужих прятала, а своя управилась. О-ой, ба-абы, горько-то мне как! –

Александра Степановна обтёрла узкой ладонью зарёванное, задубевшее от солнца, ветров и дождей коричневое лицо – только как синь-озеро сияли её уже смеющиеся глаза, – ну, Галина Лукична, ну, папкина ягодка-малинка, держись!

Глава 51

ГАЛИНА АРСЕНТЬЕВНА – ЗАГОВАРИВАТЬ МАСТЕРИЦА

– Очень хочется найти какой-нибудь клад, – сказала я.

– Ага! – обрадовалась моя подружка Галя, которая Галина Арсентьевна Малахова, и жила через дорогу, прямо из ворот в ворота.

Мы сидели на прогретом солнышком нашем крыльце, пальцы ног нежились в густой и упругой траве-конотопке.

– Но у нас сейчас никак нельзя: все всё везде что-то делают и ходят взад-назад. Тетя Аня – в саду с пчёлами, бабушка Мария на огороде...

– А у нас – мама с Вовой на овцеферме – там сегодня овец стригут; баба пашанису мелет – чтобы к вечеру пашанисную кашу сварить... Только я не знаю, где у нас клад...

– Их всегда раскапывают... У нас – поди хранится рядом с ледником, за колодцем... Да сейчас там как раз бабушка помидоры пасынкует...

– Может, и у нас где-то возле колодца? Айда к нам!

Мы поднялись с крыльца.

– Сейчас, только лопатку свою поищу...

– Не, не ищи... – Галя говорит важным баском, будто я – дочь, а она мать. – У тебя нарошнешная, детская, не годится такая... Я видела, с какой братко Вова с ребятами ходит червей копать.

Мы подались в огород к Малаховым, к их колодцу. Но сначала Галя заглянула в сени, где в дальнем углу бабушка её, Анна Ивановна, молола на ручной мельнице пшеницу. Сноха её Ефросинья трудилась на зерносушилке и иногда приносила тайком в сапогах малую толику.

– Баба, можно мы с Наткой в нашем огородчике поиграем?

– Поиграем? Игральшицы! Все робят, а эти две подружки (во всей деревне – две!) только поигрывают!.. Возьмите вон маленькие ведёрочки из концервных банок да хоть на цветки да огурчишки поплещите. Большие уже дурочки, надо что-то робить...

Очень я обиделась на бабушку Анну Ивановну:

– А мы нынче вместе с мамой картошку сажали: она ямки копала, а я за ней с пестерюшкой ходила и картошечки в ямки клала – а не кидала как ни попадя.

– Ну, молодиса-девеса, значит, мамкина помошниса растёшь. Ладно-ладно, – ласковым голосом сказала Галина бабушка, – тупайте с Богом, пошутела я, жисть у вас впереди длинная – ишшо наробитесь. Горошку молоденького можете немножко пощипать, да осторожно стручки срывайте, с корнем из земли не повыдергайте.

Все же хоть и шутила с нами бабушка Анна Ивановна, мы перво-наперво взялись за полив. Деликатно сняли по пять стручков гороха, смачно почавкали ещё жиденькими сладкими зелёными горошинами. Потом пошли за лопатой.

Галя была на четыре месяца моложе и обещала быть похожей на свою маму, Ефросинью Ивановну: ладненькую, кругленькую и крепкую, как репка. И в лица глянешь – сразу видно: мать и дочь. Крупные серые, с яркой прозеленью глаза в густейших ресницах, аккуратные прямые носики, одинаковые родинки на правой щеке. Губки яркие, бантиком. И обе, мама и дочка, любительницы что-либо жевать. Если морковки или огурчика не окажется, кочешком капустным удовлетворятся, листиком кислятки, да просто пёрышко лука погрызут.

Лопата была странная: с недлинным черенком, и плоская металлическая часть её была срезана вдвое, не имея закругления. Будто кто когда-то копал закаменевшую почву, и лопата обломилась надвое. А потом и рукоять укоротили. Галинка положила кургузую лопатку на своё маленькое круглое плечико и по-хозяйски потопала первой. Мне наказала: «Гляди, на грядки не заступай!»

– Галя, дай я покопаю, я же старше и сильнее тебя, – попросила я.

– Ага, тебе! – Не оборачиваясь, басыла подружка. – Я лучше тебя знаю, чо и где в нашем огородчике! – и через минуту склонилась над каким-то бугорком.

Я стала рассматривать розоватые, кремовые, сиреневатые шапки цветной капусты. Её уже кое-кто начал сажать в нашей деревне, но исключительно как декоративную диковинку – для украшения в садиках и на огородных куртинках. Как овощ признали цветную капусту у нас только через много лет.

Галя пыхтела над бугорком:

– Я прямо чую, что там какой-то клад... Вот уже золотишка блеснула...

Сделав несколько шагов, я склонилась над Галинкиным плечом.

– Ойё-ёй, край осыпался, щас копну поглубже! – Галинка сделала широкий и энергичный взмах лопаткой, пришлось мне по лбу, над левой бровью.

Я свалилась за её спиной в бархатцы:

– Ты шо-о, прибила ж меня!.. Вот я и цветки ваши помяла...

Галинка была медлительная девочка, неспешно распрямилась и повернулась ко мне. Я чувствовала, как по моей левой щеке потекла горячая струйка.

– Лежи, лежи, не вставай, – отложив лопатку, подошла ко мне подружка. – Я знаю, чо делать... Видела, как баба братке Вове рану заговаривала. Щас-щас. Ты главное – лежи.

Колодец у Малаховых был не шибко глубокий, Галя достала журавлём в бадейке немного воды, сдернула с русой головы косыночку, хорошенько намочила, отжала и направилась смывать с меня следы ранения.

– Ну, уж нет, это я сама! – отняла я мокрую косынку.

– Да заговаривать-то ты не знаешь как! Давай ложись ладом ко мне головой на колени! Щас только дерюжку с тына принесу... Вот, теперь поверни голову раненой стороной ко мне и закрой глаза.

Я почувствовала нечто мокрое и холодное.

– Это я подорожничка сорвала и помыла... Не ворочайся, молчи!

Галинка стала припевать надо мной своим ласковым баском:

«Олёнушка-Умолёнушка! Про тебя банька истоплена, венчик распаренный, мылечко размылено!.. – Ласковой тёплой ладошкой Галинка легонько поглаживала меня по затылку. – Спи-спи, коростенна дыра-свороблива голова!»

Я подскочила:

– Ты ш-оо мне колдуешь, Галья, какая я тебе свороблива голова! Или ты мне заразу приколдовываешь?!

– Ты не понимаешь, – урезонивала меня подружка, – это же отпугивает всякую нечисть. Нечисть не станет же зариться на своробливого и коростенного робенка! Вот и всегда всё быстро заживает...

– Гали-инка, да шо ж ты дуришь-то меня, это же нам бабушка Анна Ивановна сказку зимой на печи рассказывала...

– Ну и рассказывала! Чо в сказке помогает, то и в жизни годится...

– Тебя бы, Галя, на фронт, в медсанбат... Никаких лекарств не надо, целый бы лазарет мигом заговорила.

– И чо – и заговорила бы, – обиделась моя подружка.

Только крошечная, с горошинку, ямочка над левой бровью напоминает мне о той смешной истории. А больше семи десятилетий прошло.

Встретились мы в моей родной Раскатихе у другой нашей подружки, тоже Гали (Галины Григорьевны Ксенофоновой-Малаховой, что вышла потом замуж за Володю Малахова, Арсентьевича), целое застолье собралось по-вспоминать детство... Галина Арсентьевна потрогала ямку на моем лбу шершавым пальчиком, спросила ласково и виновато: «Жива отметинка-то?»

Глава 52 Отступление

ГРАЧИННИК, или ЕЩЁ ОДНА ГАЛИНА, НИКИТИЧНА, МОЯ КРЁСТНАЯ

Хотя Галина Никитична по времени своего жития никак не совпадает с моими ровесницами, но умолчать о ней просто не могу. Галя – младшая сестрёнка моей мамы и моя крёстная. А всякое воспоминание о ней для меня – радостное удивление. Многому я не была свидетельницей, но слышала в её ярких пересказах. Воображение моё тут же воспроизводило картинку, и она один в один ложилась в моё повествование о нашем зауральском детстве. А детство это ведь для каждого – кладовая солнца. Смело открывай её, когда тебе пасмурно и тоскливо... И оно обдаст тебя добрым, весёлым теплом.

Уже они остались без отца. Упокоили фельдшера Никиту Григорьевича Шмакова на Раскатихинском кладбище. Кладбище было просторное, светлое, защищённое от скотины валом и глубокой канавой. Держали его в чистоте, кустарнику разрастись не давали, деревья не сажали. Юго-западная сторона кладбища была обращена к деревне, северо-восточная переходила в классическую берёзовую рощу. Берёзы одна к одной. Высоченные, прямые, с густыми кронами. В глубине рощи «зафраховали» себе место грачи.

Огромная колония. Если смотреть снизу – казалось, чёрная колония эта плывёт сама себе высоко-высоко в небе, покачивается, обгоняя облака. И если долго следить за этим бесшумным плаванием, начинала кружиться голова...

Галинка быстро тянулась, незаметно выросла из своего пальтеца, и ей купили новое. Серенькое, в чёрный горошек, с внутренним карманом.

Конечно, она сразу же вырядилась в обновку, и отправилась компанией в грачинник – берёзовую рощу рядом с кладбищем. Ту рощу грачи, кажется, с незапамятных времен облюбовали и настоящие острова устроили в вершинах берез. Каждый год ребятня не оставляла попыток разорить одно-другое гнездо, но и грачи упорно не покидали своих небесных колоний.

В тот день пошли они вчетвером: Кланька (сестра Андрейки Михайлова, будущего мужа моей крёстной) со своей подружкой; во главе, понятно, Галинка Никитична и Мишка Захаров: глазки серые, маленькие, будто в ямках утопленные, брови – две широкие чёрные полоски... Крёстная ловчее самого Мишки лазала, а поскольку ещё и легче была, то выше всех и забиралась. И добыча у неё богаче была. Без сучка и задоринки у нее это получалось, может, как раз потому, что сучьев-то на берёзах изобильно.

Снимет Галинка пальто, взлезет на дерево, доберётся до гнезда, выгребет яички, положит в подол платья, предусмотрительно узлом завязанного сбоку, спустится, переложит добычу в карман пальто и снова на берёзу – к очередному гнезду.

Набрала полный карман – домой пошли. У самой деревни ботинок расшнуровался. Наклонилась Галинка, присела на корточки и – кррак! – яйца в кармане раздавились, и вот уже по животу – мокрое, тёплое, скользкое течёт...

Со слезами крёстная домой явилась.

Ничего Галинке её мамочка (моя бабушка Александра Яковлевна) не сказала. Отмыла пальто, подкладку, постирала одежду. Ни словом упрёка не испортила общего радостного впечатления от похода в грачинник. Ведь там Галинка чувствовала себе покорительницей вершин. Там она вместе с грачинным островом плавала в небе.

Как это могла почувствовать бабушка, и как она не тряслась от страха, что дочка может сорваться с высоты при порыве ветра да и просто, если под ногой обломится ветка – ведь бабушка так и не запретила Галинке ходить в грачинник.

Глава 53 ПОЛОСА ПОТЕРЬ

Какое горе! У подаренной нам бабушкой Марией Ермолаевной и выращенной нами тёлочки Марты, которая стала ладной справной коровкой, должен был родиться телёночек. Мы целую ночь караулили с мамой этот волнующий момент, то и дело ходили с фонарём в стайку. Телёночек у Марты родился мёртвым. Утром положили его в тележку и повезли к «падинным» ямам, где закапывали падший скот и домашних животных. Почва была песчаной, и мы справились быстро. Я сплела веночек из берёзовых веточек и положила на холмик безымянного сыночка нашей Марты. Долго и молча мы переживали с мамой это событие. Как-то я её «утетила»: «Все равно же, мам, мы хотели подрастить его и продать – как советовала баба Маня!» – «Логика такая – так не доставайся же ты никому, да?» – «Ну да, – кивнула я, но интонация мамы мне не понравилась, я не поняла, к чему это она, но явно к чему-то другому и большему.

Тут пошла полоса человеческих похорон. Умерла от туберкулёза Шурочка Азарова и повесилась Роза Поздина, младшенькая той самой Марины Степановны, родственницы дедушки Самойлы Павловича. Девочки были погодки, старше меня. Обе смерти эти остались в моей памяти как две печальные загадки. С годами я всё реже вспоминала о них, а потом, казалось, и вовсе забыла. Теперь, думаю, потому что не было в их уходе в мир иной моей вины.

Другое дело – Чернушка. Вот уже и жизнь моя истекает, а припомнишь – душу защемит... И как собачка возникла в нашем дворе?... Уже зима была в полной красе и силе: и сугробы, и ветра, и морозы...

Глава 54 ЖУЧА – ПОТЕРЯННАЯ МОЯ РАДОСТЬ

Прискакала я из школы и перво-наперво – нашей кормилице сенца подбросить. Стала сено набирать – слышу строгое тьяканье, чёрный пушистый клубок выкатился мне в ноги... Ругается малявка! Ясное дело, взрыв восторга, умиление! Схватила в охапку и скорей домой, каш-

кой пшённой накормила, молочком напоила и вместе – на печку. Тискаю, всю морду исцеловала – налюбоваться не могу. Кот Зая, ошеломлённый и оскорблённый, совершил поступок, невысказанный в обычной жизни: взгромоздился на патефон, который венчал этажерку с книгами.

Мама вошла и с одного взгляда поняла, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Кот вызывающе – на патефоне, а на морде: «И да, и сижу, и сидеть буду!» – что за протест, чем недоволен? На столе никаких примет, что дочь принималась за домашнее задание: ни учебника раскрытого, ни тетрадей... И сама-то где же, на печи, что ли? Спросила: «Кто-кто в теремочке живёт?» – С печи отозвалось строгое твяканье. – Так кто-таки в теремочке живёт?!»

Я была уверена, что приготовила маме сюрприз: теперь будет у нас своя собачка, мы будем её любить, она будет нас охранять.

– Может, покажетесь всё же? – мама зажгла лампу.

Мы представились. Мама протянула к собачке руки, я, вдруг заранее предчувствуя печаль, ещё плотнее притиснула к себе найдёныша.

– Ну, чего ты боишься, покажи пёсика.

– Это Жуча. Я её так назвала, и она уже знает, что она – Жуча, что она – моя и что она будет у нас жить!..

Мама внимательно осмотрела Жучу:

– Чистая, здоровая собачка, даже не заморенная. И не такой уже и щенок... Но, доченька, это – дворовая собачка, и она должна жить во дворе. – Мама говорила всё это грустным и немного чужим голосом. – Ты не понимаешь, что ты делаешь, детка. Эта собачка наверняка жила на улице со своей мамой и своими братиками-сестричками... Детки подросли, и хозяева стали их...

Смерч отчаяния и возмущения вырвался из меня:

– И шо-о?! Таку малёнку кроху, такую одиноку, мы выставим её на улицу – в мороз и метель! Шоб она пропала?!

– Не вопи. Возьми себя в руки. Давай одевайся и пойдём устраивать ей место в стайке у Марты. Там твоей Жуче будет тепло и не одиноко. И Марту будет охранять.

Но мне было безумно жаль Жучу, и я украдкой подвывала всё время, пока мы, вернее, мама (я-то стояла с фонарём, с которым мы когда-то караулили ждавшую отёла Марту), сооружала тёплый и надёжный уголок для со-

бачки. При этом использовала корзину, в которой мы таскали сено для Марты. Когда всё было готово, я скинула пальтишко, затем свой старый свитерок, из коего явно выросла, и постелила в Жучино гнёздышко: «Она будет чутя мой запах, и ей не будет так одиноко», – примиряясь с судьбой, подвсхлипнула я. Утешило то, что Жуча охотно расположилась на моей одежке, свернувшись в клубок и спрятав носик в лапки.

«Смотри, какая она умница у тебя. И какое прекрасное имя ты ей придумала», – сказала мама. Я непримиримо молчала.

Потом мама проверяла тетрадки, готовилась к завтрашним урокам в своём классе. Заглянув через моё плечо в мою тетрадь, увидев вместо нормальных строчек какие-то коряки, предложила: «А знаешь что, давай-ка ты, дочка-кочка, ложись спать, а утром пораньше встанешь и с новыми силами... А?» – «Но ты меня совсем рано разбуди – надо же Жучу проверить, как ночевала, и покормить!.. Но Жучу – сначала, а потом – домашку!»

Перед школой я снова поскакала в стайку к своей любимице.

«Не выманивай её из стайки, а то увяжется за тобой», – напутствовала мама.

«И шо-о?! Вон Проказниковы диты на уроках, а их Трезорка так и мотается вокруг школы – ждёт. Потом все вместе домой идут – носятся, в снегу валяются! – то ли дело!»

«Дочка-кочка, время поджидает. Дискуссия окончена!» – мама поправила на моём плече ремень полевой сумки, которую я ещё в Кургане освоила вместо портфеля, и была она предметом зависти всех мальчиков. Мы дружно зашагали. У самых школьных дверей мама вдруг остановила меня, повернула за плечи лицом к себе и, глядя прямо в мои замершие от предчувствия беды шарёшки, сурово сказала: «Доченька! Слушай не ушами, а сердцем. Не ради себя, а ради твоей собачки. Придёшь после школы, в дом её не бери, тем более – не лезь с ней на печку. Покорми, повозись с ней немного – и довольно... Ты убедилась, она прекрасно переносит мороз и пребывает в отличном настроении... Но если её то выставлять на мороз, то снова держать в тепле – она не выдержит таких резких перепадов температур и заболеет воспалением лёгких. Надежда, ты поняла меня?» – «Да поняла я, поняла, мамашна! Что ты все вперёд колдуешь! Не полезу я с Жучей на печку!»

Но-таки нашла выход, чтобы и обманщицей не оказаться, и нас с Жучей радости не лишить... Едва успела потом унести собачку в стайку к Марте. Тут и мама пришла с работы и сразу отправилась задать нашей коровке сенца и напоить тёплой водой, а мне велела накрыть стол к ужину.

У стога прямо в ноги маме бросилась Жуча. Она была ещё тёплой, но не от того, что сидела в своём гнездышке, а потому что ещё не выветрилось моё тепло – ведь я держала собачку у себя на коленях, примотав шалью к своему животу – так вместе и делали мое домашнее задание. Но на печку, как и обещала я маме, мы с Жучей не забирались.

Жуча хоть и была тёплой, но вся тряслась мелкой дрожью. Мама прощупала сенную подстилку в коробушке – там жилым и не пахло.

Мама вернулась с Жучей в руках:

– Ведь просила же я тебя, Надя, втолковывала тебе!.. Заболела твоя Жуча... Смотри – её всю трясёт.

– Но мы не сидели с ней на печке!!! – я была возмущена, охвачена отчаяньем, предчувствие потери сжало сердце. – Это ты наворожила, мамишна! Ну зачем ты вперёд такое говорила!..

Я подбежала к маме, почти выхватила собачку из её рук, прижала к себе... «Надо же её покормить – у неё сразу прибавится сил!», – с надеждой вскричала я. «Корми», – сказала мама. Растопили плиту – она была пристроена к печке – для быстрого приготовления пищи. Постелили клок овчинки. Жуча послушно дала себя уложить. Глазки у Жучи стали тусклыми, носик серым, горячим, обсохлым, головка клонилась. Перед Жучей я выставила розетки с молоком, желтком, кусочками разогретого блина... Она даже не лизнула, даже не понюхала. Ноздрюшки были забиты засохшей зелёной слизью, и Жуча еле дышала, высунув сухой язычок...

Ну что там размазывать – не спасли мы Жучу. К утру она окоченела.

Глава 55

«ПСАЛОМЩИЦА» ЗИНА

«Как же так! – рыдала я. – Она только что лежала у меня на коленях – вот так, мы укрывались одной шалью... Я её гладила, и она лизала мою руку!.. Если бы она осталась

жить в доме, она была бы жива!.. Мамишна-колдунья! – я причитала и причитала. – Видела ты, мамка, фотографию, как папа щенков лайки на столе из сковородки кормит... Если бы папа Котик был, он разрешил бы мне! Всё напишу ему, мамишна, какая ты!..»

Больше всех мне сочувствовала ярославская Зина. Она была из соседней Ярославки и жила в интернате. В Ярославке этой было много переселенцев-поморов, они «цокали».

– Вы уже похоронили Жуцю? – заботливо спросила она. – А отпевали?

– Ты шо-о?! Она ж не человек!

– Просто собачек и кошичек надо по-другому отпевать. Давай после уроков отпоём!

– Я не знаю, как это...

– Это оценю просто, я тебя науцю: сделаем кресъцик, ты будешь ходить вокруг могилки с кресъциком, а я за тобой – буду отпевать... ну-у, как псаломшыцек! И кропилом будем святить...

Я восхищённо и благодарно взирала на Зину.

Всё задуманное мы вдохновенно осуществили. Был крест – из выдернутых из метлы прутьев. Кропило – из сохранивших родной синий цвет колокольчиков, которые как будто специально просились к нам из стога сена. Собрали букетик, осыпали снежком. Получились снежинки вместо капель святой воды. Я, набирая полные валенки снега, топала с крестом вокруг Жучино холмика. Зина шагала за мной и громким баском распевала: «Жуця-Жуця! Бог з тобою! Жуця-Жуця! Бог з тобою!» Подшитые Зинины пимы тоже были набиты снегом. Когда обряд был закончен, Зина деловито сказала: «Тепериця помянуть надо. Цяйкём бы горячим!..»

Мы выбрались из огорода на протоптанную дорожку, миновали «удобства во дворе» и через прорубленный в сугробах неглубокий тоннельчик оказались, наконец, у крыльца; здесь выбили из валенок ставшие ледышками комки снега. Дома пристроили валенки к печке. Я достала из загнилки морковную запеканку. Тут вернулась с работы мама. Зина объявила: «А мы вашу Жуцю отпели. Теперь помянуть ба надо. Горячим цяйкём!»

Глава 56 «ПРАВИЛЬНЫЕ СЛЁЗЫЦЬКИ»

Учителя от природы ничему не удивляются.

– Всенепременно помянем страдалицу Жучу. Маленькая такая, так мало пожила и так настрадалась! – мама посмотрела на меня. Я прочитала в её глазах укор: «Ведь я же предупреждала тебя, дурочку...» Я зарыдала. Зина поощрительно хлопнула меня по плечу: «Это правильные слёзыцки! Плачь, плачь, сиротиноцка!»

Рядом была любящая меня мама, а я ощущала себя покинутой и осиротевшей и заливалась в три ручья.

– Ну вы, девочки, начинайте кушать без меня, чайник уже закипает, поминайте как следует – я на бабушкину половину, мне с Анной Самойловной один момент обсудить – у неё завтра открытый урок, учителя из соседних деревень придут, – мама будто и не замечала моих стenanий. – Зина, ты поможешь Наде?

– Конечно, конечно, Евгения Никитицна, я у нас всегда заменяю, кто не хочет в столовой дежурить...

Когда мама вернулась, Зины уже не было, вымытую посуду мы горкой поставили на полотенце.

«Какие молодцы, девочки! – весело сказала мама, а я было опять пустилась в слезы – вот какая мамашна, ей и горя нет, что Жучечку похоронили! – Тебе гостинчик. Баба Маня испекла для тебя яичко – ещё горячее даже. Печеные вкуснее вареных, правда?»

«Спасибо, – заунывно сказала я. – Если яйцо одно дали, делим напополам».

Съеденное напополам горячее печёное яичко с солёным огурчиком и хлебной корочкой окончательно разрядило атмосферу.

...У нас с мамой была привычка: уже в постели, перед самым сном «потолковать» о самом важном за минувший день.

– Мам, можно, я ещё немножко, ну совсем немножечко – Ну, как вшивый о бане....

Мама нежно потискала меня и плотно прижала к себе, будто усаживая на колени:

– Давай, только чур! – без нюней.

– Мамочка, неужели ничего-ничего-ничего нельзя было сделать?! Ну ведь мы даже не попробовали!!! – компресс,

горчичники, банки, таблетки – сколько всего есть... Даже бабушку Сашу не позвали...

– Натуська! Ну, какие горчичники, банки и компрессы на шерстяные-то бока... Совершенно очевидно: время было упущено. И вообще, природа допускает такой отсев: слабые не выживают...

– Я и Боженьку просила!.. Он не захотел меня слышать!

– Господу задание давала, да?

– Да не давала, не давала! Умоляла! – я выскользнула из маминых рук и села перед ней на пятки.

И как же мама-комсомолка должна была ответить дочке-«молитвеннице»?

– Знаешь, Надюша, будь я на твоём месте, я, пожалуй, постыдилась бы... Сама виновата, а Бог давай засучивай рукава – спасай! И потом, я слышала, есть какие-то у Господа святые помощники – он им как бы поручил опекать и спасать «всяку животну тварь». Только думаю, нашей Жуче никто бы уже не помог. Ну, понимаешь, у всякого своя судьба, у неё вот такая – коротенькая оказалась. Смирися, гордый человек! – Что ещё остаётся... Девочка моя, запомни этот урок, и постарайся не ловиться на крючок жалости. Там, где нужны простые разумные действия.

– Мамочка, я не знаю, как не ловиться, – кинулась я маме на шею.

– Родная моя, я тоже не знаю... Но ничего, с этим жить можно. – Мама привлекла меня к себе, горячую, растерянную, расстроенную.

Так мы и уснули в объятиях друг друга.

Глава 57 СТРАХ ИСПОВЕДИ

Папа умер 13 августа 1995 года. А месяца за два до того начал томиться, подъезжал к окну на своём кресле, с тоской смотрел на проходящие машины. Все они казались ему идущими на восток, и он в день по несколько раз робко просил маму: «Женюшка-матушка, пойдёшь останови попуточку! Поедем домой!» Лицо у него при этом было, как у больного ребенка, которого не пускают кататься с горки. Иногда беспричинно сердился, однажды плескнул на меня из своей любимой мисочки горячим любимым борщом. То впадал в мирное сосредоточенное

настроение, отгибал угол ковра и что-то там, на стене, подкручивал, подворачивал, нажимал. Мама шепнула мне: «Это ведь он сейчас механик... У себя в мастерской».

– Надо бы ему поисповедаться и причаститься! – тихо сказала я, уводя маму под локоть на кухню.

– Видишь, он в «работе»! – Какая ему исповедь...

– Просто сегодня буря магнитная...

– Попробуй поговори завтра...

На следующее утро папа был как всегда в своём обычном ироническом настроении:

– А кто отцу семейства поможет совершить омовение: любимая дочь или обожаемая супруга?

После завтрака попросил электробритву и одеколон «Капитан», подмарафетился, причесал свои густые брови и упругий венчик серебристых волос вокруг затылка. Уселся в кресле поуютнее и принял на колени нашу любимицу кошечку Бурочку.

Будто между прочим, скорее для себя, я сказала: «Обычно православные для облегчения болезни исповедуются и причащаются...»

Сразу же меня оборвал: «Попа звать?! И не думай! Буду богохульствовать!!!»

– Вот те на! Как же такое говоришь-то. Я точно знаю, бабушка Мария Ермолаевна, *твоя мама*, всех вас крестила – Константина, Анну, Георгия, Леонида и даже рано умерших младенцев Никитушку и Лизочку – в дни ваших святых ... Ты шо-о, пап?!

– А ни шо, буду богохульствовать – и всё. Если не хочешь позора – не зови попа!

Сам между тем становился всё мятежнее, метался в своей постели. Как-то под утро, умаявшись, затих.

Чтобы дать маме поспать хотя бы немного ночью, я приставляла к отцовской тахте три табурета и в изголовье стул, на этом устраивала себе спальное место. Свою левую ладонь я плотно клала на папино левое плечо – воображала, что так не дам приблизиться к нему чёрному ангелу, прилетающему за человеческой душой и ждущему своего мгновения за левым плечом. Действовало – папа переставал метаться.

Глава 58

И БЫЛ У НАС ЦЕЛЫЙ МЕСЯЦ СЕМЕЙНОГО СЧАСТЬЯ

Как-то на рассвете, увидев, что отец лежит с открытыми глазами, я встала и, боясь спугнуть его состояние, которое, кажется, точно почувствовала, начала почти шёпотом (слава Богу, слух у него сохранился):

– Есть такие слова, папа: «*Мне – возмездие, и Аз воздам*». Это *Господь* говорит, понимаешь, папа. Никто не может и не смеет судить православную душу, *кроме* Господа. Даже сам грешник себе не судия. Един только Бог. Он же говорит: «*Аз воздам*». Нет предела Его милосердию, понимаешь? Что человек своим слабым умишком и своей трепещущей душой, которая у него к тому же в пятках, может понять в своей собственной жизни?... И Бог оказывается часто милосерднее, чем человек сам думает о себе... Не бойся. И не бойся отца Иоанна... Я к маме его уже приглашала. Представь, у него самые «нищие» приходы в Туле: кладбищенский и при психлечебнице...

Усмехнулся. Оценил.

Воцарилось долгое молчание.

– Ладно. Зовите вашего попа, – сказал обречённо, но перевёл дух с облегчением.

В этот день отец Иоанн не мог к нам приехать. За два дня ожидания отец ещё больше ослаб, от еды – любитель покусать – отказывался. В это лето разогнался-расплодился под окном куст малины. И каждое утро я набирала пиалу ароматной сочной рубиновой ягоды. Отец наслаждался ею, причмокивал, а косточек не выплевывал. Он малинки языком отжимал, а косточки почти зацементировались под небом – еле отодрала.

Когда священник вошёл, папино лицо стало таким смиренным, доверчивым, каким я его никогда не видела. А говорить он уже не мог – только шевелил губами. «Константин Самойлович, осените себя крестом – в знак согласия с таинством исповеди. Если вы не сможете этого сделать, значит, не согласны, и исповедь не состоится. Вы понимаете меня?»

Папа прошептал: «Да...», сложил троеперстие и понёс руку ко лбу, но рука собственная уже стала для него тяжелой, и он еле довлачил её до подбородка. Священник посчитал это добрым знаком.

«Сейчас я буду называть грехи человеческие – вы внутренне не говорите о себе «каюсь», если этот грех совершали. По окончании нужно будет проглотить ложечку причастия, очень важно, чтобы причастие Святого Духа вошло в вас, и тогда – даст Бог – ещё поживёте во здравии и во славу Божию».

Мы с мамой заранее приготовили блюдо с рисом, установили в нём семь свечей, я раскрыла подаренный мне протоиереем Львом Махно в пору моей работы в православной гимназии, дорожный складенёк с иконками Иисуса и Девы Марии. Но священник разместил на столе свою иконку, дароносицу и затеплил свечу в своём подсвечнике.

Таинство началось. Отец Иоанн разрешил нашему папе прикрыть глаза и даже вздремнуть, главное потом – принять в себя причастие, не пролив ни капельки, не поперхнуться и самое ужасное – не извергнуть.

Не буду далее ничего расписывать. Утром наш папа Котик сам подъехал в своём кресле к окну, выходящему в сад. Правда, чтобы встать, держался за решетку. Он всё понимал, всему радовался, будто увидел мир в первый день творения. А ещё через день прилетел из Кургана Саша, выстраданный моими родителями младший сынок, и мой брат. Моложе меня на 18 лет. Но они успели вырастить его и дожидаться внучки.

И был у нас целый месяц семейного счастья.

А потом началось то же самое: «**Сыночка**, смотри сколько машинок бегают! Договорись с попуточкой. Домой поедем! Я домой хочу!»

Закончился Сашин отпуск, он уехал, и вскоре мы похоронили папу. Лицо у него в гробу было удивительно благостное – выражение счастливого ребёнка, даже ямочки на щеках проявились. Это было несомненное чудо.

Глава 59

НЕТ, ЕСТЬ СМЫСЛ В ДУЭЛЯХ

Сейчас только додумалась открыть военный билет моего отца. «Старший гвардии сержант Тюленев Константин Самойлович. Командир отделения 136 гаубичн. полка с июня 1940 по май 1942 г. – стрелок, с мая 1942 по январь 1945 г. – ком. отделения паркового взвода 246 артиллерийского полка. После ранения – шофёр при доме Красной Армии 46 Армии» (водил «летучку» с

киноустановкой). Демобилизован по Указу Верховного Совета от 25 сентября 1945 г.

Правительственные награды:

Медаль «За боевые заслуги», № 176706, 11 апреля, 1943 г.

Медаль «За боевые заслуги», № 1740801, 30 июня 1944 г.

Медали: «За оборону Кавказа», «За освобождение Белграда», «За взятие Вены», «За взятие Будапешта», «За Победу над Германией».

Из наградного листа к медали «За боевые заслуги» от 30 июня 1944 года: «*Старший бригадир ремонтного взвода гвардии сержант Тюленев Константин Самойлович как отличный специалист в трудных полевых условиях непосредственно на боевых порядках батарей быстро и качественно производил сложный ремонт автомашин и по своей инициативе изготовлял запасные части, которые можно было сделать только на заводе*».

Знак «25 лет Победы в Великой Отечественной войне» и юбилейные одноимённые медали в каждом последующем десятилетии – включая 70-летие Победы. Орден Отечественной войны II степени.

Нет, ни разу не надевал он этого «иконостаса». Смущался, думаю. Но скорее всего – скорбел, что тот роковой случай так смазал его чистую, честную биографию, и сжималась от боли душа, что скажут, как рассудят выросшие дети, внуки...

И вот она, эта приписка, в конце военного билета. Я дошла до этой странички – и меня жаром обдало, и ухнуло сердце. Вспомнила. Как малышкой падала крестом на подушку с проступающими неотстирывающимися следами отцовской крови и молилась: «Боженька, зачити моего папу Котика».

Надпись была такая: «*10 октября 1946 г. нарсудом 1 участка г. Курган по ст. 142 ч. 2 УК РСФСР на 7 лет. Наказание отбыл 29 марта 1952 г.*». Я посчитала – семь лет не получается, получается шесть с половиной. Заглянула в закон. За убийство по этой статье полагалось бы 10 лет. Значит, убийства как такового не было?.. Скончался его «бес» от травмы, как видно, не совместимой с жизнью. Утешение слабое и постыдное... Скончался же! Как ни крути – убит. Интересно мне, если бы случай обернулся наоборот? Страдал ли бы от мук совести провокатор, отец Светланы?.. Она со своей мамой, наверное, ненавидят и на всю жизнь прокляли нас... И это целые десятилетия не даёт мне покоя...

Нет, что ни говори, а было в запрещённых царём дуэлях что-то справедливое, благородное. Оскорбление чести смывалось кровью. Опять же – судьбу отца решал не суд присяжных, решал один человек... Но факт смертельного исхода всё равно оставался, его установил бы любой суд. И оставался ребенок-сирота, этим и терзал отец свою совесть, как видно, всю жизнь. Может, представлял на месте осиротевшей девочки собственную дочь...

Глава 60

СКАЗАЛА «А» – ГОВОРИ «Б»

Теперь я спрашиваю себя, имею ли право ворошить прошлое моего отца, ковырять нашу общую коросту (общая же, значит, и моя)? Отец в полной мере отстрадал своё, вина его отпущена Законом и Церковью... Или каждое новое поколение нашего рода должно пропускать через себя это заново?

Вообще, зачем я потянула эту ниточку? Уж не ради ли красного словца, когда не жалеют ни мать, ни отца? О нет, только не это! Этого никогда не водилось за мною. Тогда зачем? Пытаю себя, как мешок с тряпьем перетряхивая свою жизнь...

И потихоньку, пятясь шаг за шагом, вспоминая разные случаи, которые случались со мною вольно или невольно, все свои хвори, боли и неприятности, говоря по-старинному, язи, явственно слышу свой то огорчённый шёпот, то злое почти проклятие, то горькую обиду – на кого, на что?! А произносила я мысленно или вслух одно и то же: «Ну, и хорошо... Так и надо». Что хорошего? Кому надо? Уж не знаю, как это сложилось, выстроилось в душе и голове у меня (с того розового возраста!), что чем тяжелее болею я *здесь*, тем полезнее (какой ужас, просто с ума сойти!), полезнее это будет *там* для папы Котика. Помню, стоически переносила все свои «болячки». Но взрослела, и формула «само-антиутошений» становилась всё ухищрённее. Если случались у меня беды-невезения (да с такой установкой оные просто должны были сыпаться на меня!): «А вина-то до седьмого колена идёт... поделом тебе». Считала себя не достойной даже тех скромных наград, которыми меня отмечали. Не комплексовала по поводу своего очень скромного гардероба (а *та*, небось, тем более не шикует)... Иногда доходило до идио-

тизма – покусала собака, иду по улице, жара, пыль – в тапочках чавкает быстро густеющая кровь, мысленно приговариваю: «Так и надо... попробуй, каково будет, когда нечистые к предвечному порогу повлекут»...

И – докатилась до противостояния своей естественной природе. Отрицания права материнства. Кровь на нашем роду до седьмого колена? – значит – будут рождаться ущербные. Больные или закомплексованные – вроде меня, идиотки. Не родятся от осинки апельсинки.

Глава 61

ПРАВО НА ОТКРОВЕНИЕ

Мысль о смертоубийстве «оптом», во время войн, не посещала мою голову. Пока не пришла наниматься к нам, в вузовскую многотиражку, на работу курьером, на полставки лаборанта, 40 рублей(!) в месяц, женщина с высшим инженерным образованием, наша выпускница, обладательница красного диплома, до того работавшая на лучшем предприятии оборонки, с высоким окладом и обязательными премиальными. У неё был муж-художник и двое детей-учащихся. Благополучие семьи зиждилось на её стабильном заработке.

– Что вам эти 40 рублей? – с тоскливой неловкостью спросила я, не представляя, как женщина, высококвалифицированный военный инженер, будет бегать с нашей газеткой по учебным корпусам и общежитиям.

– Что ж, хотя бы на кусок хлеба, – бодро отвечала наш потенциальный курьер. Была осень, начались первые заморозки. Курьер была в разбитых танкетках кофейного цвета и детских нитяных чулках в резинку. – Вы не понимаете: я, наконец, избавлюсь от статуса «безработный»!!!

– Интересненько: в столице оружейников вдруг нашёлся безработный выпускник военной специальности. Но кроме Щегловской засеки и другие предприятия есть! Не ко двору, что ли, пришлось?

– А обо мне уже информация прошла. У кадровиков же, тем более на оборонных, естественно запрашивать о новичке характеристику с места последней работы.

– Что же было в вас опасного для оборонки?

– Знаете, в какой-то момент я вдруг осознала, что я – женщина(!), мать двух детей(!) участвую в разработке и про-

изводстве оружия – для убийства. Для убийства других людей – тоже чьих-то детей. Это же, если вчувствоваться, ну, вдуматься – противоестественно. Безбожно!

– Вы – верующая?

– В сущности, это не должно иметь значения...

– Так за что всё же вас уволили?

– За пацифистские настроения, что не скрывала их, на митинги стала ходить – демократия же пришла. Но некомфортно и мне самой стало: будто плевала в колодезь, из которого пила. Хотите верьте – хотите нет, у меня появилась убежденность (капля же камень долбит!), что если бы женщины всем миром!...

– Да, понятно – «Если бы парни всей земли...»

– Нет, вы не представляете, какой опасной паутиной опутан наш маленький, хрупкий земной шарик! А вооружения эти, всякого рода, всё невероятнее по способам и масштабам уничтожения, производятся и будут производиться, наверное, бесконечно... Пока сами себя не взорвём. Я сна лишилась, когда осознала всё это. И на каждой из нас – женщин, матерей, работающих в военке, лежит грех преступного молчания... И ещё представьте – разве это справедливо: те, кто кормит нас и одевает, получают смехотворные деньги, по сравнению с теми, кто производит смерть!..

Похоже, священный ужас отразился на моей физиономии.

– Вот-вот, ко мне относились, как к больной. – Курьер расхотелась. Вроде бы весело, но за стёклами очков блеснули слезы. – «Лечили» не шутя. Муж мой, святой человек, не отвернулся от меня, и дети мои относились с пониманием, учились исключительно на «отлично».

– Вы и сейчас верите, что «Если бы мамы всей земли»...

– Мечтаю. Но если мечтать вслух, да ещё и публично, то – вредно... Неправильно понимают...

Елена органично влилась в жизнь редакции и института, расположение учебных корпусов, лабораторий, мастерских, 12-ти общежитий и профилактория ей были известны. Плавала в студенческом городке, как рыбка в аквариуме. Ей по душе пришлось задание в качестве нашего корреспондента участвовать в работе народного контроля и проверках работы студенческих столовой и буфетов... Но жизнь развела нас – каждую на новое место работы, и снова свела – по месту нашей обществен-

ной приязни: в клубе «Яснополянские четверги» городской библиотеки им. Л.Н.Толстого. Елена была верна своей кровной теме: «Мир – без насилия».

Глава 62

НЕИЗВЕСТНО КУДА, НЕЗНАМО КОМУ

Истерзав душу в лохмотья сомнениями (Зачем? Кому?.. Ты ведь даже концы с концами свести не знаешь как!..), впала в ступор. И не бодрствую, и спать не могу... Смешались времена суток... День... Мутный какой-то...

Не ощущаю времени. Но ясно всё вижу. ... Вижу себя сидящей в уголке дивана, а тот стоит в углу комнаты. Передо мной – всё пространство комнатное. Напротив – окно, почти во всю ширину стены, сквозь лёгкую кисею шторы – косо летящий густой снег, силуэты бегущих студентов (наш дом среди студенческого городка) – завтра, то есть через несколько часов, Новый год. Никак не украшена нынче моя комната. Не принесена настоящая ёлка, тоскуют в чемодане на антресоли старинные игрушки, гирлянды лампочек сами собой перекочевали туда, где они нужнее. У меня нет магнитофона и не включен ящик. Мне в моём одиночестве довольно тишины и света уличного фонаря... Душа моя устремлена к ним, моим дорогим. Надо только спокойно и терпеливо подождать... Они знают, что это мне важнее всего, дороже самой истлевающей моей жизни. Я откуда-то знаю, что голоса наши не будут звучать, тем не менее, мы будем слышать друг друга.

Смежила ресницы, но всё равно вижу... По диагонали от меня за столиком, бочком к окну... Мама!

– Чего же ты ещё ждешь от меня, донька?.. Открой «гроссбух», что ты дала мне взамен нашего общения: «Некогда мне, мамуся, вот чистая тетрадь, пиши в неё, когда загрустишь...» – Я и общалась с этим товарищем «гроссбухом», а ты ни разу и не заглянула в мои записи, пока я была жива... Что *сейчас* хочешь услышать от меня, детка? *Теперь* я не смогу прочесть написанное тобой ... Уж как у тебя получилось – так получилось...

Горячие ручейки бегут из-под ресниц, и я на какие-то мгновения перестаю видеть маму... Пока вытирала глаза, – их уже двое. Напротив мамы, через стол – отец.

«Ну что, мила дочь, опоздала? А я ведь знал, что когда-нибудь захочешь про нашу жизнь написать... Боялся очень... А чего боялся? Да так же, как попа твоего Иоанна. Исповедаться боялся...»

Отец пошевелился, но кресло под ним против обыкновения не скрипнуло.

Вытерла глаза ладонью. Картинка стала ярче. Отец от мамы – через стол; седые их головы в призрачном свете фонаря на фоне летящей куда-то пелены снега за окном, как в нимбах...

Мне не страшно. Я знаю – это не сон. Они услышали мой призыв, и вот – здесь. Что мне до того, как ушедшие от нас могут являться к нам – надо только изо всех сердечных и душевных сил этого желать. И молиться, тоже – как умеешь, но всем, всем своим существом.

Кто это? – уж совсем по-свойски – на другом краю дивана с ногами расположился, глаза весело блестят. Крестная же это моя, Лёлочка, мамина младшая сестра Галя:

«Ничего, Натка, зря не бывает и ничто просто так не случается и просто так не проходит... Правда, да? И всё, что проходит, надо вспоминать с благодарностью, правда, да? Не помнишь, конечно, как я тебя, совсем малюшешную, во время грозы в степь таскала – чтобы ты ни молний, ни грома не боялась... Нас просто ливень поливает, а ты, мася такая, смеёшься и со щеки моей воду слизывает... Как бабушка твоя Саша, а моя мама, меня ругала! Ещё хорошо, что Женьки, сестры моей, а твоей мамы, дома не было, она в райцентр ездила за учебниками...»

Тут справа от меня, в арке, на низенькой табуреточке, бабушку Марию, старенькую, 97-летнюю, маму моего отца едва угадала – портьера затеняла её:

«Крапивка наша!.. Дай посижу с тобой. А когда я помирала, ты ко мне прибежала, внученька. Маленькая такая, я манила тебя рукой, говорить-то уже не могла. Ты побегала-побегала возле, а головку погладить не дала... Хотя я знала, что тебе уже тридцать лет, и ты с малышом своим и моей Анной где-то в невиданной мною Туле... Корявая я, внученька, бабка была, это правда... То за шитьём, строчу себе на машине да и упущу тебя, а ты уже на мостки к речке утопала – мамку со школьной деляны встречать – там учителя сами дрова заготовливали – и для школы, и для себя... Женя всегда-то другой дорогой, всей компанией, через большой мост

возвращалась. Но верно, материнское сердце – вещун: ни с того, ни с сего от всех оторвалась, свернула в чужие огороды – через речку в наш огород, – там из бревёшек после паводка лавы на лето ладят, временный переход без перил... Бабы там половики стирают... Взрослые-то пробегут, а ты – махонькая, села посередке и с прутика листочки в воду пускаешь... Мать твою косыночку красную на мостках сверху издали приметил... Прошла мимо меня с тобой на руках – только и сказала: «Я понимаю, мама, вы её на речку не посылали...» В другой раз я капусту в нижнем огороде поливала. Вроде ты всё время рядом со своим ведёрком... Потом смотрю, уже водичкой из ключа обливаешься, ну, думаю, плещется и плещется, корыстное ли детское ведёрко – а оно вон как обернулось – к вечеру уже крупозное воспаление... А как-то я масло собралась сбивать, а ты у меня сметанки попросила – всего-то попробовать... А я тебе: от сметанки, мол, язык трескается... А ты повернулась, да и убежала... Я ведь в шутку, а ты и не подошла больше – ни сметанки, ни пахты, ни маслица свежего попробовать, я уж и сама звала тебя... Сношенька моя – мама твоя, так тебе объяснила: «Баба Маня не жадная, она думала, что ты сама понимаешь: перед Пасхой у всех пост, молоко помаленьку собирают, чтобы на масло, творог – к Пасхе. Всё остальное молочко обязаны на молокозавод сдавать... А как ты ручку сломала из-за моей раззявости... За нашу совместную жизнь мы с твоей мамой ни разу не поссорились... А как колодец чистили, я просто сказала, что кто полезет – очень осторожно надо, колодец глубокий, лестница составная... А Женя, мама твоя, молча взяла платок, фуфайку, сапожки, переоблачилась и полезла... Мы с соседом, дедом Егором Новоторженцевым, пасли её на веревках... Сколько илу повытащили... Я потом ночью только испугалась – обвалились колодец... Как бы папке твоему и тебе в глаза-то смотрела... Не старая я ещё была, сама должна была лезть... Нет, твоя мама ни разу ничем меня не попрекнула...»

А я всё ждала, не появится ли за бабушкиным плечом её дочь, моя тётушка, сыночка моего болезного нянюшка, Анна.

«Нет, не жди, внученька, Анна сама себя отрезала от православных», – был мне ответ.

«Она же крещёная! Вы же всех своих деток с дедом Самойлой крестили! Я знаю...»

«Анна как стала что-то понимать, сразу начала спрашивать – почему одна ножка у неё не растёт, разве она неслушница, за что её Боженька наказал?! И потом всю жизнь твердила, мол, сами молитесь своему Богу, несправедливый Он – за что меня, невинного младенца, обидел? Наперекор в комсомол и партию вступила и даже свой партийный билет наказала под голову ей в гроб положить... Вот оно как обернулось... Так что ушла из дольного мира с полным пониманием корявости своего нрава...»

«Бабушка, ведь если бы со мной не случались все эти напасти, я так никогда бы и не почувствовала, как плохо было моему папе, и не молилась бы за него! Никакая ты не корявая, мама моя всегда жалела тебя... Ах, не успела я, не успела поделиться с моей дорогой тётушкой тем, что понимаю теперь... Важнее всего понять свое предназначение... А у твоей Аннушки с детства были талантливые руки: она шила, вязала, вышивала, кулинаричала... И заводная была! И в постановках, и в концертах учительских участвовала. И дом её был открыт для всех. Да где бы ни жили вы с ней – вечно вокруг неё шумно и весело, и вся малышня дворовая, не считая своих племяшей и племянниц, и внучатых тоже... Не было человека, кто бы когда поссорился с ней или обиделся на что. Это она всем помогала... Её душа светила для людей».

«Что проку-то! От нашей всеобщей Матери Церкви отреклась – вот и где её бедная душенька сей час – всех всю жизнь жалевшая и всем помогавшая?!»

«Бабушка, я молюсь о ней – ни одной ночи не пропускаю! Не верю, что для Бога одинаковы ворюга-казнокрад и добрый, открытый всему миру человек, по недомыслию своему обидевшийся на Всевышнего. Сам же Господь говорит, что не прощается только хула на Духа Святаго. Но Аннушка же никого не хулила, просто по-детски обиделась на Бога, даже не ненавидела Его...»

И мама, и папа, и крёстная, и бабушка Мария исчезли так же, как и явились – словно сквозь дымку метели...

Но мне, может быть, ещё важнее... как мои ближайшие живые родные души... Брат мой Александр и дочка его Нина, оба – мои крестники, как они... В то памятное лето я приезжала в Курган в отпуск, и как раз начинались службы в восстановленном храме во имя Св. Александра Невского. И так счастливо сложилось, что у нас собралась целая группа кре-

щающихся: кроме брата Саши, ещё и три моих племянницы: Нина, Яна-Иоанна и Снежана-Стефания.

И опять я потеряла время: не закончила, не распечатала то, что можно было читать... Саша вернулся в Курган, у Нины закончились традиционные ныне – длинные для всех в России – рождественские каникулы...

Остаётся мне только предполагать мнение брата: «А тебе это надо? Когда ты кого слушала! Всегда себе хозяйка... Написала и написала... Напечатают – почитаем...»

И Нина во всегдашней своей манере, грациозно-ленивой и снисходительной: «А мне – без разницы...». С интонацией, предполагающей продолжение, но разворачивать это сленговое у молодежи выражение не дала себе труда.

Э-эх ты! Даже с родными человеками не смогла поговорить? А может, не хотела? Или испугалась? И что изменил бы такой разговор?

ФОТО НА ОБЛОЖКЕ:

На 1-й стр.: рисунок с фотографии, полученной отцом на фронте, сделанный однополчанином.

На 4 стр.: бабушка - сестра милосердия Александра Шарлова, георгиевский кавалер-девица; дедушка – Самойла Тюленев, матрос, портной морского обмундирования; батюшка Александр Ищук, настоятель храма в г. Остре; Константин и Евгения Тюленевы, молодожены.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1 глава.	Всем хватало и неба, и хлеба	3
2 глава.	«Неведома зверушка»	5
3 глава.	Было у матери три сына	5
4 глава.	И приехал детский дом	6
5 глава.	«Это моя мама»	7
6 глава.	Искушение красотой	8
7 глава.	<i>Отступление.</i> Горшочек	9
8 глава.	«Только три кисточки»	10
9 глава.	Знай свой дом – и спасёшься!	11
10 глава.	Земной Ангел Малаша	12
11 глава.	Только жди – и тебя обязательно найдут	13
12 глава.	Больше я никогда не вякала	14
13 глава.	Немирно в мирном городе Остёр	14
14 глава.	Пить или не пить? – Вот в чём вопрос	16
15 глава.	Последняя гастроль паршивцев	16
16 глава.	Конфетчица Надийка	17
17 глава.	«Як укусэ – будэ знак»	18
18 глава.	«Хороша дорога к дому»	19
19 глава.	<i>Отступление.</i> Неизбывный ток любви	20
20 глава.	Розовый водопой	21
21 глава.	Мы – золотые стрекозки на синем небе	23
22 глава.	Месяц счастья – за пять лет войны	24
23 глава.	«Вы только не спрашивайте»	24
24 глава.	Шла себе жизнь своим чередом	25
25 глава.	«Поиграем в шустрики?!»	26
26 глава.	Дивное лекарство – пенка с варенья	27
27 глава.	С полевой сумкой вместо портфеля	29
28 глава.	Можно ли слышать то, что звучит в голове другого	30
29 глава.	«Я буду спать на <i>его</i> подушке»	31
30 глава.	Не врушка она, – сочинилка	33
31 глава.	Церквей нет, да Бог-то милостив!	34
32 глава.	Здрасьте вам! Мы приехали	35
33 глава.	А ваша Надя матерится	36
34 глава.	«Пятёрки хотите? Их есть у меня!»	36
35 глава.	Пожалела бы наши чернила	38
36 глава.	Чернильный приветик	39
37 глава.	Молиться нам теперь до скончания века	41
38 глава.	В восторг не пришли, но... смирились	42
39 глава.	В горе все мы – верующие	43
40 глава.	<i>Отступление.</i> Ольгинская община	45
41 глава.	Красота – страшная сила	46
42 глава.	Беглого ищут	47
43 глава.	Скоком-боком ненароком	49
44 глава.	Жвачка смертельной хватки	50
45 глава.	Папа Котик вернулся	52
46 глава.	Разговор у могилки на Смоленском	53
47 глава.	Самая сильная молитва	55
48 глава.	То педикулёз, то хурункулёз	56
49 глава.	Из огня да в полымя	57
50 глава.	Галина Лукична или Всемогущий реможник	59
51 глава.	Галина Арсентьевна – заговаривать мастерица	62
52 глава.	<i>Отступление.</i> Грачинник, или Ещё одна Галина, Никитична, моя крестная	65
53 глава.	Полоса потерь	67
54 глава.	Жуча – потерянная моя радость	67
55 глава.	«Псаломщица» Зина	70
56 глава.	«Правильные слёзыцьки»	72
57 глава.	Страх исповеди	73
58 глава.	И был у нас целый месяц семейного счастья	75
59 глава.	Нет, есть смысл в дуэлях	76
60 глава.	Сказала «А» – говори «Б»	78
61 глава.	Право на откровение	79
62 глава.	Неизвестно куда, незнамо кому	81

Надежда Константиновна Тюленева
САМАЯ СИЛЬНАЯ МОЛИТВА
Исторические записки

Дизайн и верстка
Д. И. Кузнецов
Корректоры С. Ф. Люкшина, Л. Н. Кузнецова

Подписано в печать 06.09.2024 г.
Формат 60x84/₁₆. Гарнитура «Прагматика». Бумага офс. Тир. 500 экз.

ОРИГИНАЛ-МАКЕТ
**Все права на распространение и тиражирование
данного сборника принадлежат автору
и производятся только с его разрешения и согласия.**